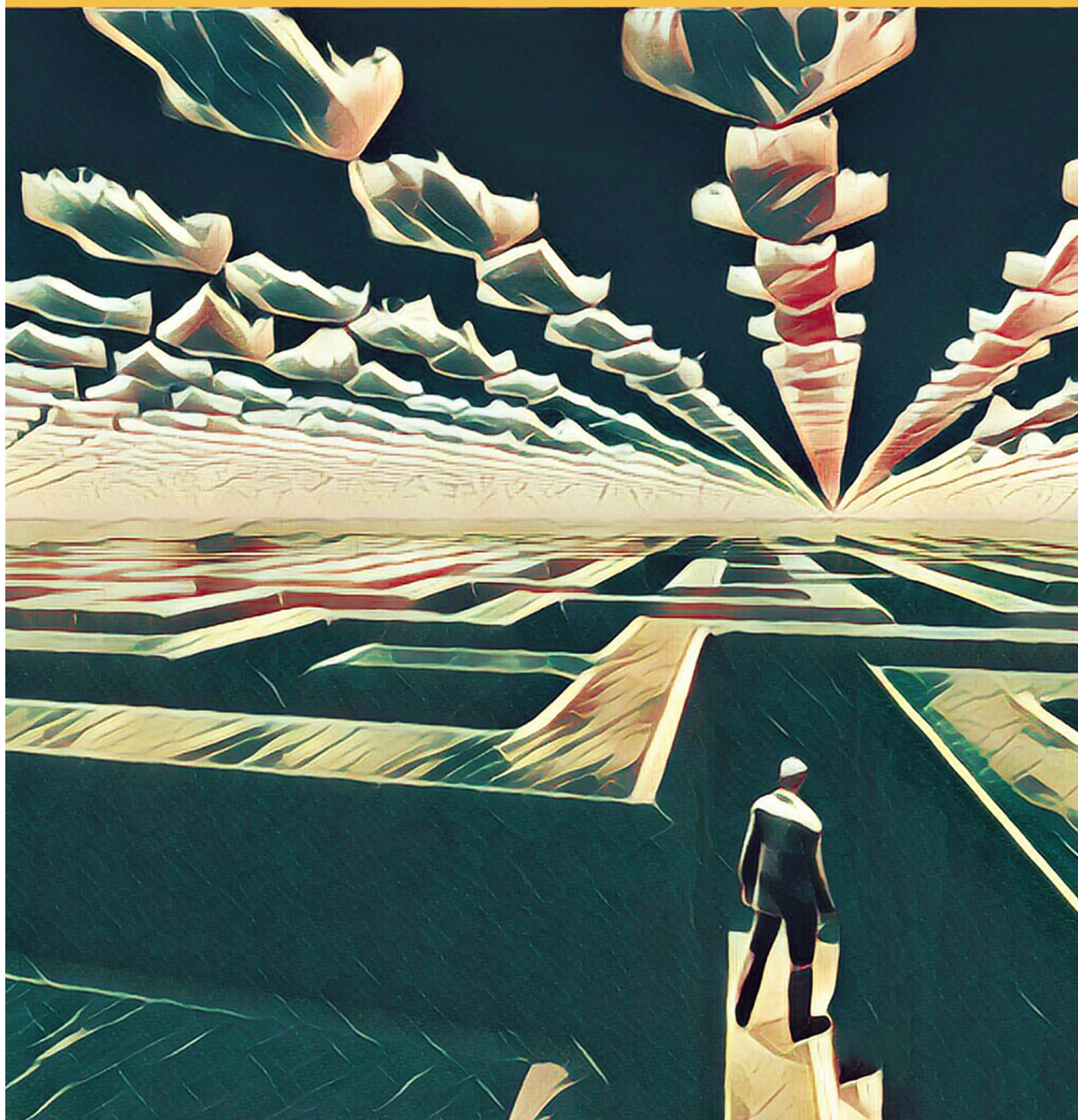

Эрнст
Юнгер

XX
век
The BEST

Гелиополь

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Эрнст Юнгер

Гелиополь

«Издательство АСТ»

1949

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Юнгер Э.

Гелиополь / Э. Юнгер — «Издательство АСТ», 1949 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-107084-7

«Гелиополь» — одно из ключевых произведений Юнгера, в котором нашли отражение его политические взгляды и идеология консервативной революции. Это талантливый и оригинальный роман, в котором сочетаются черты антиутопии и философской притчи. Его сюжетная основа проста: в таинственном метрополисе, ставшем новой столицей человечества после очередной мировой войны, идет беспощадная борьба военной и политической аристократии. И жертвой этого противостояния становится народ, страдающий от деспотии власти. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-107084-7

© Юнгер Э., 1949

© Издательство АСТ, 1949

Содержание

Часть первая	5
Возвращение с Гесперид	5
Беспорядки в городе	34
Во Дворце	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эрнст Юнгер

Гелиополь

Часть первая

Возвращение с Гесперид

В каюте было темно, ощущалась небольшая качка, пол слегка подрагивал, как при легком землетрясении. В глазах рябило от игры света и линий. Вспыхивая и мигая, рассыпались серебристые точки и, падая, как бы на ощупь, опять находили друг друга, собираясь в морскую волну. Радужные светящиеся круги растягивались в воздухе и меркли, затухая и внезапно исчезая, подобно зеленым молниям, проглоченным тьмой, чтобы тут же взметнуться вновь светящимся фейерверком. Волны катили и катили, равномерно сменяя друг друга. Они складывались в узоры, то четкие и ясные в своем рисунке, то путанные и размытые, когда гребень и впадина сходились, сливаясь воедино. Движение воды и света непрерывно рождало все новые и новые формы.

Одни фигуры сменяли другие, как будто по морю то скатывали, то раскатывали огромный ковер. Постоянно изменяясь и никогда не повторяясь, они все же были схожи в одном, напоминая шифр, открывающий таинственные кладовые, и, как мелодия увертюры, все время варьировались в своей загадочной игре, убаюкивая и усыпляя чувства. Легкий шум пенящихся валов словно отбивал такт, вызывая в памяти грохот далекого прибоя и ритм волн, разбивающихся с шипением о скалистые берега. Блестела рыба чешуя, чайки крылом прорезали соленый воздух, сжимали и разжимали свой зонтик медузы, колыхались на ветру веера кокосовых пальм. Жемчужные раковины открывались навстречу свету. В пучинах морских вод струились, извиваясь, коричневые и зеленые водоросли, шевелились пурпурные гривы конских актиний. Мелкий зернистый песок курился струйками на дюнах.

Наконец разрозненные впечатления сложились в стройную картину: по морской поверхности медленно скользило парусное судно. Это был клипер с зелеными парусами, только опрокинутый и стоявший на воде на мачтах, и волны барашками, словно облака, пенились вокруг киля. Луций следил взглядом за его плавным скольжением. Он любил эти четверть часа искусственной темноты, продлевавшей ночь. Еще ребенком лежал он так у себя в детской, с плотно завешенными окнами. Родителям и его воспитателям это не нравилось; они хотели привить ему жизнедеятельный дух родовых замков, где по утрам раздавались звуки трубы, возвещающей подъем. Но на поверку оказалось, что склонность к замкнутости и мечтательности не повредила ему. Он был одним из тех, кто поздно встает, но неизменно является вовремя. Работа всегда давалась ему чуть легче и протекала с наименьшими затратами, словно он действовал вблизи центра, где путь пробега куда короче. Склонность к уединению, молчаливому вниманию и созерцанию в глуши ли лесов, на берегу ли моря, на горных вершинах или под южными небесами, доставшаяся ему по наследству, скорее придавала ему особые силы, хотя и навевала отчасти меланхолию. Так длилось до середины жизненного пути, до его сорокалетия.

Зеленый парусник исчез из поля зрения, зато появился, и тоже в перевернутом виде, красный танкер – устаревшая модель с островов. Они приближались к гавани, суда попадались все чаще. Иллюминатор проглатывал их, как щель в камере-обскуре, заставляя переворачиваться. Луций наслаждался этой картиной, словно находился в кунсткамере, где наблюдал, забавляясь, движущуюся модель космоса. Вода в бассейне энергия была подогретой. Планктон в нем был еще жив, и его свечение лишь увеличивало степень подогрева. Всплески

воды вспыхивали бликами, ударяясь о кафельную стенку; казалось, и само тело погрузилось в мягкий свет, покрылось фосфоресцирующей патиной. Суставы на сгибах, складки и контуры тела были словно очерчены серебряным грифелем; волосы под мышками светились, как зеленый мох. Время от времени Луций шевелил конечностями, вспыхивающими от этого только сильнее. Он смотрел на ногти на руках и ногах, как бы зарождавшиеся у него на глазах, словно в чреве матери, видел сплетения кровеносных сосудов, герб на кольце на пальце левой руки.

Наконец сигнал рожка возвестил о приготовлениях к завтраку. Луций стал подниматься – нежный слабый свет побежал по стенкам. Вот показалась узкая душевая кабина, раковина для умывания, встроенная в туалетный фарфоровый столик. Кожа сильно покраснела от морской соли; он смыл ее с себя под душем с пресной водой. Потом облачился в махровый халат и подошел к туалетному столику.

Фонофор лежал под предметами, распакованными из несессера. Луций взял его в руку и покрутил большим пальцем колесико постоянных контактов. Тут же из углубления в маленьком приборе, как из ракушки, раздался голос:

– Костар на связи. Жду ваших приказаний.

Затем последовало донесение, как то предписывает морской устав во время хода корабля: долгота и широта, скорость, температура воздуха и воды.

– Хорошо, Костар. Мундир готов?

– Да, командор, я жду вас в каюте рядом.

Луций набрал еще одну цифру, и раздался другой, более звонкий голос:

– Марио на связи. Слушаю вас, командор.

– Buon giorno¹, Марио. Машина на ходу?

– Машина в порядке, отлично отремонтирована.

– Ждите меня в половине одиннадцатого на набережной, корабль прибудет без опозданий.

– Есть, командор. Поговаривают, в городе беспорядки. Войска полиции подняты по тревоге.

– А когда в этом городе нет беспорядков? Следуйте только по Корсо и вызовите охрану.

Луций нанес на лицо белую мыльную пену и прибавил света. Потом включил бритву, и тонкая сеточка из изогнутых лезвий зажужжала по его щекам и подбородку. Как всегда во время бритья, на него нахлынули приятные воспоминания. Он вдруг увидел мысленным взором белых аммонитов в красной каменной кладке и ощутил вековую надежность замшелых стен замка. Вспомнил он и о прогулках со своим учителем Нигромонтаном вдоль берега, и о цветах, сменявшихся в чередѣ времен года. За каждым поворотом дороги красный замок, удаляясь, появлялся в новом ракурсе. Вот где нужно было оставаться – зачем только покидают такие места?

Раздался второй сигнал рожка – гости начали рассаживаться. Луций запаздывал. Он открыл дверь в каюту, где Костар разложил на койке одежду для него. Луций стал одеваться. Костар подал ему сначала белье из светло-зеленого шелка. Потом мундир, тот был чуть темнее, серебристо-матовый, цвета вереска, отороченный по краям узеньким золоченым шнуром. Это была традиционная военная форма кавалерийских отрядов горных стрелков, которую Луций с недавних пор надел вновь, по прошествии долгих лет, отданных изучению наук и познавательным экспедициям. С незапамятных времен в этих горнострелковых войсках служили сыны Бургляндии – страны замков. Эти войска славились своей отменной надежностью и неизменно поставляли двору курьеров-егерей для передачи тайных депеш и собственноручных посланий. Офицеры-егеря всегда были в свитах полководцев и проконсулов; при каждом верховном штабе рядом с монаршим пурпуром мелькали два-три зеленых мундира приближенных

¹ Добрый день (ит.).

егерей. Им доверялись важнейшие тайны, и зачастую именно они были теми вестовыми, кто доставлял наивысочайший приказ. Их маленький корпус и сейчас, во времена межвластия, удерживал воедино командные высоты, скрепляя их между собой, словно пряжка, и не давая им распасться.

Костар происходил из тех семей, которые с самого начала селились внизу, вокруг замков. Вторые и третьи сыновья с этих подворий уходили в море или на войну, если не пытались найти счастья в городах, или жили и кормились при монастырях, не принимая духовного сана. Позднее они иногда возвращались к своим родным очагам с покрытыми мхом кровлями, где для них обычно находилось местечко. На них всегда и везде можно было положиться, где бы они ни появлялись, – вольные братья-монахи, поступившие в услужение. Луций и сегодня был растроган, видя, как Костар с напряжением вглядывается в него, стараясь подать ему каждую вещь как раз в тот момент, когда она ему понадобится. Воткнув Луцию фонофор в нагрудный карман и смахнув платком последние следы воображаемого налета с пуговиц и шпор, он отступил на шаг назад и внимательно осмотрел творение своих рук. Луций любил эту тщательность в мелочах; для него она была одним из подспудных признаков незыблемого существования порядка, как бы высшим проявлением инстинктивного усердия. Но еще он чувствовал в этом и любовь к себе. Взгляд его благожелательно задержался на Костаре, когда тот безмолвным поклоном дал ему понять, что все в его облачении безупречно.

* * *

В кают-компании «Голубого авизо» царило приподнятое настроение, характерное для последнего дня морского плавания. Вентиляторы с тонким жужжанием гнали прохладный и ароматизированный воздух, а из аэроионизаторов с треском вылетали искры. Гомон голосов в освещенном утренним солнцем и играющем бликами волн помещении сопровождался звоном посуды и выкриками стюардов, мелодично оповещавших через подъемник буфетную о принятых заказах.

Поздоровавшись, Луций искал для себя место у окна. Цвет воды был все еще таким, как в открытом море, – густая кобальтовая синь. Вспоротые килем, поднимались на поверхность тугие стеклянные морские струи. В их водовороте мертвенная синь оживала, отливая оттенками узоров мрамора и пышных цветов. Белые пузырьки сверкали, словно жемчужные гроздья в темной оправе.

– Вот где можно понять Гомера, приписывающего морю цвета черного винограда. Тут и более дерзкие сравнения могут показаться оправданными, как вы считаете, командор?

Это спросил маленький человечек, похожий на гнома, сидевший напротив Луция и проследивший за его взглядом. Тело его было уродливо искривлено, а лицо по-стариковски сморщенное, хотя и выражало детское удивление. Человечек был одет небрежно, в серый костюм, на лацкане которого красовались два скрещенных молоточка из ляпис-лазури. В правой руке он держал грифель, кончиком которого водил по строчкам дневника. Перед его тарелкой стоял фонофор академика.

– *Comme d'habitude*², – сказал Луций стюарду, выросшему у него за спиной.

– *Comme d'habitude*, – повторил тот, и было слышно, как он пропел вниз в клеть подъемника: – *Le dejeuner pour le Commandant de Geer*!³

После этого Луций повернулся к человечку-гному и подхватил нить разговора:

² Как обычно (*фр.*).

³ Завтрак для командора де Геера! (*фр.*).

– Как это получается, господин Горный советник, что море показывает свои красивейшие краски, только испытав чужеродное вторжение, я имею в виду – у побережья, в гротах, в кильватере судна или морского животного?

– Как любимый ученик уважаемого мною мэтра Нигромонтана вы должны знать это даже лучше меня. В его учении о цвете наверняка найдется пассаж о влиянии белых пятен на цветные обрамления.

Луций мог дать по этому вопросу справку, воспоминания о былых беседах ожили в нем.

– Если я правильно припоминаю, он связывает это влияние с одной из своих любимых идей – королевским приоритетом белого цвета. Чем ближе к нему, тем важнее роль данной краски, равно как и король определяет для знати ранг титула и его смысл. Белый цвет – основа всей гаммы цветов и красок, и в живописи тоже. Ценность жемчужины в том и состоит, что она делает наглядной эту истину. Учитель однажды заговорил об этом, когда мы наблюдали за парой красногрудых снегирей в заснеженном лесу.

– Отлично, командор. Я вижу, вас не мучили сны. Что же касается чужеродного, то можно и так сказать, что материя сравнима с нераскрывшимся плодом и ее красота станет видимой, только когда чужеродное вторжение надрежет ее, как плод, ножом. Лишь шлифовка выявляет истинный рисунок, скрытый в камне. Вам бы надо посмотреть мою коллекцию агатов.

– Если я вас правильно понял, господин Горный советник, красота всегда есть следствие нарушения первоосновы?

– Можно и так сказать, поскольку абсолют лишен красоты. Но тем самым мы вторгаемся в метафизику боли. И лучше не пользуйтесь этим методом; вы сорвете аплодисменты, которые не доставят вам радости. А кроме того, вы приближаетесь к возрасту, когда на происходящее глядят уже с другой стороны, предполагая, что это сама материя сбрасывает с себя покровы при выпавших ей испытаниях. На каждый стук она дает ответ, и тем щедрее, чем он будет тише. Для каждого ключа у нее заготовлена своя сокровищница. К этим ключам относится, как вам известно из учения Нигромонтана о поверхностях, также и свет.

– Это я хорошо помню. Неустанно исследуя и во время своих прогулок тоже, он любил прибегать к понятию «сечение» – так, он считал, что универсум, открывающийся нашему взору, представляет собой всего лишь одно из мириад сечений, какие только возможны. Мир – как книга, из многочисленных страниц которой мы видим одну ту, что открыта. Он часто также говорил, что чем тоньше сечение, тем шире возможность открытия. Можно достичь такой степени тонкости среза, которая позволит предположить, что поверхность и глубина идентичны, как секунда и вечность. В качестве примера он приводил едва заметное появление разводов на старом стекле, мыльные пузыри и радужное мерцание маслянистой пленки на лужах. Мир нигде не бывает столь красочным, как в тончайших своих оболочках, и это свидетельствует, что богатства его кроются в эфирном пространстве. Я бы, несомненно, больше понял из всего этого, если бы он посвятил меня в две смежные области – учение о том, что такое Ничто, и учение об эротике, над которыми он работал. Но я был тогда слишком неопытен, а теперь уже известно, что одно из них он зашифровал в главах своего «Начала всякой физики», в то время как другое вообще пропало бесследно.

По лицу Луция пробежала тень. Горный советник, сделавший тем временем несколько пометок в своем дневнике, улыбнулся.

– Вы бы натворили немало глупостей, командор. Учителя, как Нигромонтан, указывают цель, но не путь к ней. В принципе, каждый из них ведет к цели. Впрочем, что касается эротики, я разговаривал с последователями Нигромонтана, знакомыми с его учением, – например, с Фортунью, когда тот навещал меня на Фалунских рудниках.

Он внезапно замолчал и задумался, словно рылся в памяти.

– Это могло быть и в Шнеебергских дудках. Но где бы то ни было, Нигромонтан переносит свое разграничение понятий глубины и поверхности и на любовь тоже. Об этом я расскажу вам поподробнее, когда вы посетите меня в моей «ракушке», чтобы полюбоваться агатами.

При этих словах он осторожно оглянулся по сторонам. Но оба соседа, сидевшие за их столом, увлеченно углубились в свою беседу. Тут как раз подоспел стюард с фруктами, всегда подававшимися перед завтраком.

Горный советник вновь занялся своими записями. Сделав грифелем пометку, он взял левой рукой фонофор с изображенной на нем пальмой.

– Я прервался, прошу прощения. На чем мы остановились, Стаси?

Звонкий девичий голос ответил:

– «...Поднимаясь от *mare serenitatis*⁴ на восток...». «Восток» было последним словом.

– Хорошо, Стаси, я продолжаю. – И, откинувшись на спинку стула, он начал диктовать, и голос его свидетельствовал о полной уверенности, что слова его будут незамедлительно услышаны и записаны:

– ...Поднимаясь от *mare serenitatis* на восток, путник попадает в пределы Кавказа. В предгорьях, вдали от западного склона, на довольно ровной местности возвышается кратерная группа, которую Резерфорд обозначил на своей карте как *turres somniorum*⁵, а Фортуню произвел ее геодезическую съемку во время третьей разведывательной экспедиции.

Их вид усиливает впечатление пустоты вокруг вымершего пространства. Ни исландские глетчеры, ни полярная ночь не дают такого представления о смерти, об удаленности жизни, как эти башни в безвоздушном пространстве, залитом слепящим светом. Вокруг них – царство одиночества, опора которому – дух, чья власть неуклонно-угрожающе растет, как жажда при переходе через пустыню. Многочисленны случаи, когда паника, а за ней и безумие охватывали не только одинокого исследователя, но и целые караваны. Безмерность пространства столь велика, что сердце исходит тоской по живому человеку, будь он даже заклятым врагом, по любому живому существу – будь то каракатица или чудище.

Параллельно с этим фиксируется еще нечто, не менее чуждое рассудку. Начинается осознание взаимосвязей иного рода, чем те, к которым мы привыкли в жизни, а именно архитектурники башен. Это сковывает дух, вызывая внутреннее напряжение и удивление, соперничающие с нарождающимся страхом грядущего уничтожения. Дух как бы мечется между Сциллой и Харибдой, с трудом сохраняя равновесие. С одной стороны – абсолютная пустота, с другой – близость сил, недоступных для органов человеческого восприятия.

Подобное удивление охватило бы нас, если бы мы смогли увидеть жизненный дух в его материальном облике – в виде всемогущего оплота любви и вражды. Растения, животные, люди образовали бы тогда одну гигантскую фигуру, как металлические опилки в силовом поле. Они воссоединились бы, создав причудливо-великолепную, но никому не нужную модель мира. Космический пришелец, которому неведомы любовь и боль, оказавшись в плену таинственных мистерий, нанизал бы с помощью могучего магнита диковинные цепи из этих ничтожно малых существ.

Но здесь не то, здесь все иначе. Нет хитросплетения страстей, путаного и в то же время такого понятного рунического письма жизни. Мир духа проступает в голом виде, в ореоле слепящего света, который не воспринимается человеческим глазом. В этом мире открываются взору суровые и торжественные картины, обнажаются горные планы, сокрытые обычно в выси недоступных для нас святынь.

Излишество постоянно стремится облегчить, расцветить то, что есть мера жизни. Где хаос, там мы чувствуем себя как дома. Здесь же на передний план выходит упорядоченность

⁴ Море Ясности (лат.).

⁵ Башни Грез (лат.).

системы. Единственный властелин на этой пустой сцене – свет, не преломляемый и не смягчаемый другой средой. Поток его лучей льется с безжалостной прямоотой. Здесь нет перехода красок, нет нежных переливов и оттенков, нет сумраков лесных и морских глубин, смены атмосферных явлений. Кругом пустыня без запахов и звуков и без погодных изменений.

На золотой блеск дюн и макушки холмов ложатся лазоревые тени. Подводные камни и рифы сверкают, как хрусталь. Небо над этим океаном света как туго натянутый шатер из тончайшего черного шелка.

С берегов мертвого моря нагоняют вокруг себя ужас семь отвесных вершин, похожих скорее на пилоны или обелиски, чем на вулканы. Изящные призрачно-зеленые башни, имеющие форму усеченных конусов, поднимаются на огромную высоту. Зубцы их слепят глаза первозданностью венчающих их корон, вид которых будит воспоминания о вечных снегах и ледниковых поясах.

Когда восходит солнце, семь вершин выбрасывают тонкие кроваво-красные языки. Невзирая на долготу дня, огненные языки, как бы торопясь, вылетают с невероятной быстротой, и путника охватывает ужас: а что, если один из них молча лизнет его? Они напоминают острие компасной или часовой стрелки, с помощью которых свободное сознание контролирует себя. Соприкоснувшись с ними, дух его догадывается, что мера и порядок определяются универсумом. И он понимает, что линии, окружности и все простые геометрические фигуры – не что иное, как бездна мудрости. Одновременно его задевает крылом разрушительная сила; он чувствует, как под сверхмощью света того гляди рассыплется его несовершенный механизм.

Turres somnium возвышаются на фоне серебристой гряды Кавказа. Их основание покоится на золотисто-рыжих холмах. С каждым шагом, с которым приближается к ним путник, вид их все величественнее. Вершины сияют фантазмагорическим великолепием. Постепенно глазу открывается и кристаллический лес у их подножия, высокие заросли из минералов цвета давно потухших пожаров. Кристаллы-великаны, имеющие форму копья или клинка, стоят, как серые или аметистовые мечи, чье острие опалено знойным дыханием космических кузнечных горнов.

Внизу под их кронами царят серо-опаловые сумерки. Тщетно будет размышлять смертный, ползающий муравьем у подножия венка из монолитов, об их происхождении. Науке туда доступа нет. Можно, пожалуй, предположить, что здесь буйствовали первопричинные естественные силы, бесконечно превосходящие известные нам виды огня, – не важно, вышли ли они из недр или появились из космоса. Когда-то, в свой далекий звездный час, эти космические изумруды горели ярким светом, семикратно сверкая в сонме творений, собранных в высшие конstellации. Только здесь становится понятно, как бесконечно истинны все великие космогонии и мифы о сотворении мира по сравнению с химерными измышлениями разума.

Поэзия проникает глубже в суть вещей, чем научное познание. Неискушенный дух смелее глядит на эти миры. Искатели возвышенного чувствуют себя естественно и непринужденно в тех сферах, где сведущего и посвященного в тайны охватывает страх. Так и Фортунио воспринимал кристаллический лес как венок из кубков, вершины – как выдолбленные плоды или чашечки цветов. И поразительные открытия были ему наградой за эти наивные образы. Поэтому восхождение на изумрудные башни и проникновение в их чрево должно быть описано его словами:

«Я разбил стоянку у подножия самого южного из зеленых вельмож. Уже самая первая, незначительная разведка показала, что восхождение возможно. Крутизна отвесно падающей кристаллической стены была прошита ленточными поясами, а уступы своим расположением напоминали древние пирамиды. И вообще законы мира кристаллов проявлялись здесь в классической форме, в ее высшей степени. Карабкаться вверх по узким, но четко оформленным граням было нетрудно, тем более что тело почти не чувствовало гравитации. Так и казалось – сама идея придает ему крылья, и оно вот-вот взлетит.

Я поднимался, чтобы встретить свет в его полную силу внутри кратера, когда солнце будет стоять высоко. В этот час великаны подтягивают тени вплотную к себе. Когда тень приближается к ним, она темнеет, принимая все оттенки свертывающейся крови. И на дальних вершинах, на огромных жерлах кратеров и крутых отвесных морских берегах тени тают в этот час и ложатся у вершин темной каймой, как узким серпиком. Постепенно свет завладевает пространством, а зеленые башни становятся похожими на бугорки на громадном серебряном щите, который по мере подъема увеличивается в размере и сияет все ярче и ярче.

Когда я взобрался на зубцы, солнце стояло в зените. Свет был такой силы, что искажал формы и превращал все вокруг, расплющивая, в один сверкающий серебром диск. Более долгое пребывание наверху создавало, несмотря на маску, опасность для глаз; поэтому я, коротко взглянув вокруг, начал спускаться в жерло кратера.

Над изумрудным огарышем полыхала ослепительная белая корона, подобно снежной лаве, вся из пузырьков, как жемчужная пена. Здесь когда-то жар, видимо, достиг наивысшей искрометной силы. Уступы, по которым не ступала нога человека, были прочны и надежны. Осторожность нужна была только там, где вулканическая порода внутри кратера опять переходила в гладкую изумрудную скалу. И здесь сверкали, сначала словно пенящийся морской прибой, затем все реже и реже встречаясь, жемчужины, вкрапленные в горную породу.

Кратер имел форму зеленого кубка, разбрызгавшего вокруг себя бурлившую когда-то морскую пену. Лентообразные пояса вели по спирали вниз, на дно, мерцающее из глубины, как человеческий глаз. Я решил рискнуть и спуститься по застывшей бахrome в зеленую шахту. Вскоре я оказался внутри кристаллической горы, казавшейся прозрачной в потоках мощного света, падавшего на нее. И тут я увидел, что кристаллическая масса не целиком состоит из изумруда. Стали видны включения: прозрачный изумруд то замутнялся цветной вуалью, то вдруг тянулись шлейфы опаловой пыли. Местами виднелись вкрапления в виде зерен любых величин, форм и цветов, какие только можно встретить в мире косточковых семян, а также полевых и садовых плодов. Тут они лежали на поверхности, словно драгоценные камни в монаршей короне или как инкрустация на раке с мощами, покоились в недрах материнского лона, посылая наверх из глубины кратера свой магический блеск.

При виде этого великолепия ожили детские воспоминания о сказочных садах с их виноградными лозами, обилием ярких, сочных плодов, павлинами, рассеянными по мраморным лестницам. На террасах ходят на коралловых лапках голуби, вытягивают свои отливающие бронзой шейки и клюют пшеничные зерна. Счастье пронзило меня, я чувствовал себя желанным женихом, вступившим в терем возлюбленной; покой и уверенность обладания заполнили меня. Спуск по спирали внутри жерла напоминал забавные комбинации цветных стеклышек в калейдоскопе при его вращении, когда рисунок узора заметно уплотняется. С каждым витком приближающаяся цель – дно, подобное сверкающему человеческому глазу, – становилась все великолепнее. Внизу то переливалась красками бархатная змеиная кожа, то мерцал неяркий перламутр – морская краса коралловой гряды. Радужным блеском искрится он и светится в зеленых сумерках. В таком сиянии сбрасывает с себя одежды богиня любви, а Ирида входит в чертоги богов.

Я понял, что проник в один из космических гротов – сокровищницу универсума. Мне уже доводилось во время странствий по горным вершинам спускаться в ледниковые мельницы, эти котлы ледникового периода, сохранившиеся в первичной породе. В них ледниковое молоко обкатывало и шлифовало, перемалывая тысячелетиями на своих мельничных жерновах, валуны. Теперь молотильные чаны обсохли, а измельченные в круговерти горные породы покрыли их дно круглыми камешками.

В таких местах наши чувства постоянно вызывают к тому, кого здесь нет, как, например, в пустой мастерской художника мастер нам дороже всего. Крыло наводит на мысль о существовании воздуха, ключ замка. И то же самое происходило в тех ледниковых мельницах, думалось

о духе воды, представились величие и мощь давно отшумевшего бурного таяния снегов, охватившие меня своей колдовской магией. Титанические силы природы оставляют такие места на память в знак их непобедимости.

А здесь, в чреве зеленых башен, космические мельницы, полные драгоценных камней, раскрыли свои богатства перед изумленным взором. Что за силы участвовали в этой игре, высвобождая камень из изумрудного материнского лона и собирая их на глубине в единую кладовую, превосходящую по богатству все сокровищницы Индии? Как бы то ни было, но образованию подобных жил не могли не содействовать звездные эпохи.

Распластавшись на животе и погрузив обе руки в богатства на дне кратера, я чувствовал себя опьяненным от обилия драгоценностей, как одурманенная пчела или шмель в море цветов, как мечтатель далеких миров, очутившийся в океане звезд. Я видел, я ощущал, я пробовал на вкус их гладкую поверхность, упивался сиянием, исходящим от бесценных россыпей, глядевших на меня зрачками сказочных, невиданных существ, игравших всеми цветами радуги. Вот они сверкают передо мной, испуская неземной свет, в поисках которого полчища невольников баламутят морские пучины, просеивают пустыни, промывают золотоносные пески великих рек, – только все они крупнее и чище того, что извлекают из земных недр всевозможными промышленными способами горнорабочие, моют в лотках речной водой золотодобытчики. И к знакомым камням добавились и вовсе незнакомые. Ни в Офире, ни в Голконде не было ничего подобного. В зеленой изумрудной крошке виднелись разноцветные крупинки, а сверху их покрывал еще желто-бурый, тонкой огранки минерал. Камень был словно создан для солитера – искрящаяся оправка крупного бриллианта. Камешки, как зрачки драконов, грифов и покрытых пеной обитателей Нептунова царства, запеклись огнем и горели и сверкали ярче солнечного света.

Я взвесил в руках лунный камень, переливавшийся молочным блеском, словно яйцо Леды. Кто знает, был его блеск прекраснее нежно-зеленого, с серой дымкой нефрита или отливающего перламутром опала? Я задумался над этими рунами – тончайшими прожилками на небесно-голубой бирюзе, вкраплениями красных, как искры, зерен в гелиотропе, рисунком дерева жизни на «моховом» агате, пучком стрел в горном хрустале. Но всю эту гамму красок затмил собой великий красный, голубой и белый свет камней второго ряда на священной одежде Аарона. Черной молнии, сверкнувшей в глубинах карбункула, не может противостоять ничей рассудок. В священном сапфире будто разверзается само небо. Алмаз являет собой высшее подобие света, вобрав в себя при всей своей идеальной прозрачности и ясности всю гамму красок.

Представ перед этими зеркалами, отражающими универсум, дух погружается в возвышенные мечты. Красота открывается ему в иной форме, чем облеченная в плоть и наделенная земной жизнью, – она приближается, излучая неземное сияние. Она вспыхивает, озаренная откровением и вечностью после наших долгих блужданий в потемках.

В тех ледниковых мельницах возник дух воды, подобно мастеру в покинутой мастерской. А здесь, в изумрудной башне из далеких миров, в этом Граале, предстал вдруг воочию дух макрокосма. Утренние и вечерние зори то прорывались сквозь облака, то горели в безоблачном сиянии, когда солнце всходило и заходило над водами невиданных морей со всем великолепием их островов. Дремали окутанные голубыми и зелеными тенями гроты с мраморными бассейнами, в которых живет и мечтает Аретуза.

Что такое человеческое сердце, человеческий мозг, человеческий глаз? Горстка земли, горстка пепла. И все же именно этот гумус избрал универсум своей ареной. Так, драгоценные камни, вышедшие из низменной земли и ничтожной глины, были возвышены до божественного блеска. На этой параболе зиждется их ценность, сделавшая их предметом одежды первосвященников и королей, а также украшением прекрасных женщин, рожденных матерью-землей».

Таков рассказ Фортуню. Мы же по возвращении еще раз обратимся к побуревшим холмам, на которых стоят зеленые башни. Там нас ожидают вещи пусть менее красочные, зато куда более удивительные.

На этой фразе Горный советник закрыл красный блокнотик и убрал грифель на место. Он только еще добавил:

– Остановимся пока на этом, Стаси. Сейчас у вас есть фонограмма трех первых глав; я хотел бы прочитать сегодня вечером у себя в «ракушке» готовый машинописный текст. Я останусь в городе до среды... Нет, спасибо, не нужно. Только поставьте мне бутылочку парэм-пайра на камин. До вечера, Стаси.

Он прижал к себе фонофор и кивнул Луцию:

– Я пойду сейчас уложу вещи. – И, как и полагалось Горному советнику, пожелал: – На-гора, командор! Счастья вам и удачи. Не забудьте про агаты.

* * *

В кают-компании царило оживление. Передавалась текущая информация, прослушивались последние новости, уславливались о встречах в деловых конторах Гелиополя, нарастало радостное возбуждение, переходящее в веселье, привычно возвещающее о прибытии и скором расставании.

Стюард убрал посуду. Оба соседа, оставшиеся сидеть за столом и после того, как распрощался Горный советник, тоже кончили завтракать и углубились в разговор. Один из них, Орелли, молодой профессор истории культуры, тоже имел фонофор академика. Профессор был высокого роста и крепкого телосложения; весь его гордый облик был отмечен осознанием свободы духа и чувства собственного достоинства. Сильное солнце по ту сторону Гесперид оставило свой след на его загорелом лице. В интонации его голоса и в манере вести диалог проглядывал оптимизм, даже идеализм, делавший сторонника подобной точки зрения уязвимым в споре и все же вызывавший к нему симпатию.

Другой, одетый в алюминиевого цвета форму технократа-специалиста, носил такого же цвета институтский фонофор. При виде золотого, универсального фонофора Луция он поднялся и поклонился. У него был узкий череп, высокий лоб, переходивший в лысину с пышным венчиком рыжих волос на затылке. Брови чуть светлее, скорее пепельного цвета, а глаза голубые, с белесой поволокой, и как бы повернуты несколько вовнутрь, так что центр поля зрения находился примерно в двух пядях от переносицы. От этого взгляд огромных зрачков делался жестким и прицельным, казалось, он все время следит за кем-то. Улыбка этого человека, который был, по-видимому, одного возраста с Орелли (тот называл его Томасом), была злобной и язвительной, что усугублялось, когда он бросал реплику. По нему было видно, что он не давал сбить себя с толку цветистостью и эмоциональностью речи, а сухо взвешивал каждое слово, проверяя его на логичность. Неусыпно высматривал он любую брешь в натиске противника, каждое беззаботно пропущенное уязвимое место и тогда тщательно и с наслаждением выбирал разящую стрелу. Очевидным было, что для него важно не просто поразить цель, но и причинить боль, поражая ее.

Луций спрашивал себя, что могло связывать таких разных людей. Может, старая дружба со студенческих лет, с которой не хочется расставаться. Ведь мы храним не только свои воспоминания о прожитых годах, но и память о наших друзьях тех лет, как бы платим им дань благодарности за старое, забывая зачастую все дурное. «Mangé de la vache enragée»⁶. А мог одержать верх и принцип притягивания противоположностей, столь часто наблюдаемый у ода-

⁶ Здесь: не один пуд соли съели (*фр.*).

ренных людей. Ведь мы испытываем тягу к противоположному не обязательно только по половому признаку.

– Ты все такой же, как был, Конрад, – услышал он слова рыжего, обращенные к Орелли, – с твоим пристрастием к диковинным блюдам и излишествам в приправе. Если убрать все внешние красоты, то от твоей Лакертозы останется только полуразрушенный кратер на пустынном вулканическом острове, где возникла самобытная цивилизация. Людишки занимаются на морских просторах наполовину торговлей, наполовину пиратством. Морской идол стал городским божеством. То, что нам надо узнать от вас, Конрад, так это факты, а не ваши мнения.

– В таком случае наймите на службу фотографов.

– Вот тогда-то кое-что из чудес проявилось бы побыстрее.

– Конечно, ведь пленка не способна даже запечатлеть все оттенки цветов радуги.

Орелли помолчал какое-то время, потом сказал:

– Твои возражения важны для меня, мне надо перепроверить свои зарисовки. В красках ты ничего не смыслишь. Ты из тех архитекторов, которые возводят одни столбы, но никак не арки.

Смягчившись, он добавил потеплевшим голосом:

– Томас, я думаю, что у тебя появится представление о сложившейся жизненной форме, которую мы называем цивилизацией, если ты составишь мне компанию за час до захода солнца и отправишься со мной на тот скалистый утес, который зовется Южным Горном.

Он повернул к себе аэроионизатор и откинулся назад. Собеседник внимал его словам наполовину благосклонно, наполовину снисходительно, как воспринимают лепет ребенка, давая ему возможность показать себя.

– Там, в скалистых пещерах, гнездится разновидность альбатросов, крупных морских разбойников, охотящихся на рыб. С незапамятных времен птицы эти – священные животные и поэтому не столь пугливы, до них даже можно дотронуться рукой. Можно видеть, как они, стоя на своих неуклюжих ногах, отдыхают на скалах, раскинув крылья. Неподвижные зрачки блестят, как отшлифованные красные стекляшки. Я часто задавал себе вопрос, видят ли они свою добычу уже со скалы или просто совершают периодически вылеты на места ее нахождения. Распластав в воздухе невероятно мощные крылья, узкие и резко загнутые назад, словно серп косы, они парят серебряными птицами даже при слабом встречном ветре над темно-синей морской глубиной. С королевским спокойствием, словно набирая силу, описывают они широкий круг, удаляясь от скалистого мыса. Потом стремительно падают вниз, подобно дьяволу, врезаясь в толщу воды.

И каждый раз я чувствую, как напрягаются мои глаза, следя за их молниеносным падением, когда они, сильно уменьшаясь, сливаются визуально с серебристой пеной морских гребешков. Упиваясь этим зрелищем, так и представляешь, что ощущение пространства, свойственное этим смелым птицам, передается и тебе и что все вокруг блестит еще ярче и стекленеет, отвердевая, как остывающая серебряная монета после чеканки.

В этот час жизненный мир Лакертозы уплотняется до предела, как бы убирается в себя, закрываясь, словно плод. Море тогда вздымается вокруг, образуя чашу, и цвет его сливается с цветом неба, и все пространство смыкается в единый голубой шар.

Ни один парус, ни одна галера не нарушают уединенности этого замкнутого мира. Утес накаляется, и остров всплывает из глубины вод багровым молодым месяцем. Там, где внутренний край серпа врезается в море, его окаймляет белая мраморная оторочка.словно клешни омара, охватывают с боков оба мола, торговую гавань с галерами. На разделяющей их дамбе видна красная раковина со статуей богини Моря, воздевшей руки.

Сверкают в белом блеске дома и улицы Лакертозы, смотрящиеся как ярусы в полукружии театра под открытым небом. Камень, из которого построен город, сверкает и слепит белизной, чернеют только выжженные круги перед жертвенниками.

В этот час из дверей выходят женщины и приносят ежедневную жертву уходящему солнцу. Они поднимают глаза к святилищу бога Солнца, возвышающемуся посреди лагуны над морем. В его сторону обращены и все жертвенники в городе.

Святилище, похожее на дворец, выполнено из порфира, что есть на острове. Галереи, пересекаясь восемь раз, ведут к венчающей его площадке. Про этот верхний ярус известно, что там находится золотое ложе бога Солнца, символ которого, обелиск, издалика виден кораблям; его вознесшаяся высоко над верхней площадкой пирамидальная верхушка горит по ночам ярким светом.

Две крытые колоннады ведут к двум языческим храмам, посвященным богу Солнца. В самый главный праздник позади жертвенников богу Солнца показывают юношей и девушек, которых он выбирает для себя. Под белыми парусами уплывают они во дворец и никогда больше не возвращаются оттуда.

Пока женщины готовятся к жертвоприношению, тень от обелиска скользит по молам, по гавани с галерами и приближается к средней дамбе, пересекающей морской пролив, на зеркальной глади которого в дни празднеств разыгрываются красочные морские сражения и проплывают пышные эскадры, которые потом сжигают.

В тот час, когда тень накрывает статую богини Моря, с галерей языческих храмов звучит рог бога морей и начинает куриться дымок жертвенников. И каждый раз тогда мне на мой одинокий пост передается легкое дрожание, словно вибрирует весь голубой шар в торжественный миг зачатия.

Орелли, говоривший слегка поучительно и выпрenne, вновь обратился к своему собеседнику:

– Пока я пребываю в Академии в наставниках, я буду постоянно придерживаться мнения, что любые частные наблюдения и исследования должны увенчиваться такими высшими моментами, суммирующими их, словно полученный результат. Каждая наука отталкивается от целого и должна в итоге обогащать это целое.

Тот слушал его вполслуха, словно хорошо знакомую мелодию.

– Конрад, ты так и остался тем сумасбродом, каким я знал тебя еще по «Боруссии»⁷. Тогда это была история греческой культуры, и ты не можешь не помнить, как часто и как безуспешно я пытался доказать тебе, насколько важнее для нас Египет и вообще народы древнего Востока и что исход битвы при Саламине был трагедией, от которой мы не оправились и по сей день. Древние римляне подлатали кое-что, но далеко не самым лучшим образом. От Эллады ведет свое начало и переоценка независимого научного эксперимента, то есть умственной деятельности по собственному разумению, что непременно выливается в анархию. Подобная роскошь при тех громадных пространствах, которые мы должны контролировать, обходится нам все дороже и дороже. Мы хотим получать от вас не просто какие-либо результаты – мы хотим получить такие результаты, какие можно пустить в дело.

– И когда их можно будет пустить в дело? Естественно, только тогда, когда они совпадут с теми предварительными расчетами, которые вы вынашиваете в вашем Центральном ведомстве. Вы хотите манипулировать знаниями, как мозаикой, складываемой из кусочков *ad hoc*⁸ – по заранее составленной схеме. Когда вам для теории доисторических эпох требуются вещественные доказательства, тогда вы снаряжаете археологические экспедиции, которые, произведя раскопки, находят в далеких пустынях и пещерах ледникового периода то, что вам нужно, – *missing link*⁹, вытаскивают его на свет Божий из-под векового наносного хлама сланцевых карьеров. Теперь этот дурной стиль уже перекочевывает из естественных наук в

⁷ «Боруссия» (Пруссия) – студенческая корпорация в Германии.

⁸ Специально для этого (*лат.*).

⁹ Недостающее звено (*англ.*).

гуманитарные. А тому, кто находит нечто нежелательное, грозит инквизиция. Что, собственно, дает вам смелости требовать от ученого то, что для него неприемлемо?

– И это спрашиваешь ты, – услышал Луций возражение человека в серой форме, – ты, который никогда не идет на компромисс? Да мы, может, всего-то только и хотим слегка попридержать раскручивающуюся пружину, осуществляя контроль, как и подобает авгурам.

Он выключил аэроионизатор и нагнулся к другу:

– Однако же, говоря серьезно, Конрад, и между нами, ты слишком умен, чтобы не понимать, что подобная твоей академическая трактовка этой сказочно прекрасной Лакертозы не что иное, как явная помеха на нашем пути или даже завуалированное нападение на проложенный нами курс. Нет, мы не допустим возрождения старых богов. – Его голос стал резким и сухим; в нем отразился старый спор института с академиками: у одних – воля, у других мировоззрение. – Тот, за кем сила, живет настоящим и формирует из него будущее и прошлое. Вы же придерживаетесь обратной точки зрения.

Казалось, он почувствовал, что повел себя слишком резко, и опять включил аэроионизатор, чтобы разрядить обстановку, извинившись перед Луцием. Потом вновь обратился к профессору:

– Мифические явления, которые ты так старательно отслеживаешь сегодня – всего лишь простейшие миражи природной стихии. То, чего допытывался когда-то, теряясь в догадках, наивный разум, сегодня – цель строго организованного сознания, науки. Мы создали соответствующие органы по изучению непознанного и поставили их себе на службу. Мы ударили в мертвую скалу, и хлынули неиссякаемым потоком власть и богатство.

Гордая улыбка пробежала по его лицу, и, удовлетворенно вздохнув, он откинулся на спинку стула. Излучение аэроионизатора делало его красивым, придавало его лицу некий флер, словно он выпил крепкого вина, голос его звучал теперь покровительственно:

– И поэтому, Конрад, древние боги пасуют перед нами, перед нашей сверхсилой. Тебе прекрасно известно, что с первыми же нашими аэроионизаторами и фонофорами, которые мы доставим на Лакертозу, жертвоприношения утратят свою силу, а призрачная власть богов померкнет. И причина тут не в рациональности средств, а в их более действенной силе. Вот они, эти волшебные солнца, свет которых затмит сияние древних небес.

Медленно помахивая руками, он направил на себя струящийся соленый воздух, наполненный благоуханием ароматов и насыщенный целебными лучами, потягивая его носом. Он говорил сейчас, испытывая наслаждение и абсолютно уверенный в себе, как и его обожаемый кумир, Ландфогт, когда бывал в хорошем настроении:

– Сверхсила – настолько могучая вещь, что ничто не может ее пошатнуть. Но мы можем быть и великодушными. Подай свой отчет, Конрад, – я замолвлю словечко перед мессиром Гранде, чтобы он передал остров Координатному ведомству и объявил его заповедной зоной. Мы примем его себе на баланс, включая священных пеликанов, и позаботимся о том, чтобы там ничего не изменилось.

– Не пеликаны – альбатросы, – поправил его Орелли; он слушал с явным неудовольствием. – Пойдем наверх, скоро покажется Кастельмарино. Тебе бы композитором стать, тогда труба была бы ведущим инструментом в оркестре.

– А тебе бы – первым зазывалой в кафешантанах Александрии.

Вежливо попрощавшись, они встали и покинули кают-компанию. Серый, прежде чем пройти сквозь вращающуюся дверь на прогулочную палубу, бросил еще раз испытующий взгляд назад, в зал.

Луций связался с обсерваторией и получил сведения о точном времени и местонахождении корабля. Предстояло еще добрых два часа ходу. Он достал из кармана узенькую тетрадку, она служила ему в пути дневником. В нескольких строчках он зафиксировал события текущего дня:

«Конец поездки в Астурию. Поговаривают о беспорядках в городе. Завтрак с Горным советником. Разговор об учении о цвете; говорят, найдено кое-что из записок Учителя. Подключить Отмара. Затем беседа Орелли с его другом, который наверняка близок к мессире Гранде, может, даже и к самому Ландфогту. Откашливается точно так же, как тот.

Взять на заметку: наблюдая подобную пару, можно видеть, как спонтанная юношеская дружба раскалывается на консервативное и нигилистическое течения. Человек делает выбор в пользу вегетативного или минерального мира. Он может одеревенеть, с одной стороны, и окаменеть – с другой. Но на дереве еще можно увидеть живые цветы. Склонность предрекать процесс познания ведет к застою; наука бюрократизируется, принимает на себя функции высшей полицейской инстанции. Профессоров обучают прислуживать.

Далее, не упустить из виду следующее: в таких типах, как этот Томас, твердокаменность минеральных пород накладывает свой физиогномический отпечаток на внешность. Я надеялся раньше на упрощенные формы и более силовой вариант при распаде личности. А между тем отчетливее видны лишь чистые потери. Все становится невыразительным, серым, словно пыльным, униформируется, как вещи. Скучными становятся даже могучие оплоты страстей – власть, любовь и война».

Он закрыл тетрадку, чтобы убрать ее, но открыл вновь, еще раз сверив время. Он мог еще набросать вчерне донесение для Проконсула, поскольку в городе его сразу ждала работа. Корабль шел тихим ходом. Путь от Гесперид можно было проделать за ничтожно короткий отрезок времени. Однако с тех пор, как скорости стали абсолютными, им никто больше не придавал значения. Скорее получалось даже так, будто их вообще не существует, поездки растягивались или укорачивались – в зависимости от желания или как того требовало дело. Ход «Голубого авизо» был приведен в соответствие с той работой, которую предстояло выполнить в течение пути. Потерянного зря или мертвого времени больше не было. Да и фонофоры делали возможным одновременное присутствие везде, где надо.

Луций притянул аэроионизатор поближе к себе и стал обдумывать ключевые пункты своего донесения. Астурийские распри; совсем не простое дело раскрыть на бумаге их характер – Дон Педро имел обыкновение опрокидывать столик, играя в шахматы.

Наконец он поднялся и пошел к выходу. Кают-компания гудела, как пчелиный улей. Не только близость дома волновала умы; в воздухе чувствовалась война. Обрывки разговоров, которые он ловил, проходя мимо столов, касались того поворота событий, который надвигался.

- Осенью Дон Педро нанесет удар.
- Экспертиза? Для бунтовщиков не существует никакого международного права.
- А для тиранов никаких гарантий безопасности.
- Из драгоценных камней лучше брать те, что средней величины, их можно спрятать на себе.
- А крупные солитеры опасная вещь, вам лучше посоветоваться с Шолвином.
- Лучшее всего – концентрированная энергия.
- Я слишком долго пробыл на Востоке, чтобы не знать, что только тот действует наверняка, кто и подозреваемых... *in dubio pro...*¹⁰
- Электричество притягивает.
- ...проверить списки жителей города, выплачивать соответствующее денежное вознаграждение швейцарам, фонофоры убрать. Особенно парсы...
- Биржа пока еще в игре не участвует.
- Говорят, переговоры идут полным ходом.
- Как хорошо, что мы предприняли эту поездку. Когда-то еще доведется увидеть леса и такие деревья, нижний сук которых находится на высоте Кельнского собора.

¹⁰ В случае сомнения (*лат.*).

– Есть еще и совсем поблизости тихие местечки – например, научные исследования в Коралловом море. Вам нужно позвонить Таубенхаймеру.

– Он потребует, чтобы я привел в порядок его классификацию головоногих. Трудный орешек.

Уже вовсю началась погоня за тихими местечками. Луций остановился перед вращающейся дверью и посмотрел в зал. Вплотную к нему сидели двое пассажиров, лица которых сильно загорели под чужим солнцем. На их асбестовых костюмах был вышит седмичник – знак Ориона. Он повторялся и на фонофорах, ведь Орион охотился не только на землях диадохов, но и имел лицензии на охоту в угодьях по ту сторону Гесперид. Только его охотники и подчиненные Горному советнику чиновники Казначейства имели, как все считали, пропуск от Регента.

Оба они уже были готовы сойти на берег, и в качестве ручной клади у них было оружие, повешенное на спинку стула, – легкие винтовки из стали-серебрянки, в изготовлении которых соединилось искусство оптического мастера, оружейника и гравера. Они стреляли лазерным лучом и обладали поражающей силой на дистанцию, с которой охотник видит любую пернатую дичь в огромных лесах, когда она со свистом проносится в воздухе над верхушками деревьев, блистая великолепием своего оперения.

Конечно, эти вольные стрелки, беспечно бродившие по лесам, тоже интересовались сейчас вакансиями на военной и государственной службах, искали по возможности еще не потревоженные соты в этом огромном улье. Тем более что в Центральном ведомстве Орион числился в списках пораженцев, а его знак воспринимался уже как позднейший перифраз семисвечного подсвечника. Этому противоречил, правда, сам культ охоты и звероловства, которому поклонялся Орден. Луций подозревал, что тут не обошлось без очередных мистерий. Ему доводилось бывать гостем на *Allée des Flamboyants*¹¹ – не на больших приемах, а на закрытых вечерах для избранного круга лиц. Приглашенные собирались в небольшом охотничьем салоне, над входом в который висела угрожающая надпись: «*Behemot et Leviathan existent*»¹². Салон украшал портрет Первого охотника в зеленом фраке, расшитом золотыми листьями падуба, с трофеями у ног – с гор, из лесов и морей по ту сторону Гесперид. Вечер открывался сообщением о проведенной охоте, сопровождавшимся впечатляющей демонстрацией трофеев. Затем следовал восторженный обмен мнениями, оживленно переходивший после ужина в откровенное веселье. Кухня Ориона была вне всякой критики и если не лучшей, то, во всяком случае, самой обильной в Гелиополе.

Только не следовало проявлять излишней щепетильности и привередливости относительно догадок весьма экзотического характера. После тех вечеров Луцию не составляло большого труда представить, что там за дела творились. Центральное ведомство в этом смысле было недалеко от истины – неприязнь к войне сохранялась в этом обществе. О том свидетельствовали и афористичные реплики, оброненные стрелками в беседе. Вроде той: «На войне мельчают» или: «Войну проиграет тот, кто много путешествует». И тут же: «Орион подстреливает дичь, охотясь...», что означало: «Он не забивает ее, как скот на бойне». Луций уловил и одно из сакраментальных высказываний, а именно: «Нимврод и Вавилон». Следовательно, после прецедента с Флавием Иосифом они оценили Первого охотника и как зодчего первого космического проекта.

Пацифизм Ориона носил скорее космополитический, чем гуманный характер. Пусть он и был менее праведным, зато более практичным. Так как со времен Великих мощных огневых ударов армии стали самым могучим оплотом мира, Проконсул следил за играми Ориона весьма благосклонно и внимательно.

¹¹ Аллея пламенеющих деревьев (*фр.*).

¹² Здесь: Бегемот и Левиафан тоже тут (*фр.*).

* * *

Над входом в кают-компанию, сбоку от которого стоял, прислонившись к колонне, Луций, виднелась надпись: «Ici on ne se respecte pas»¹³.

Это изречение можно было истолковать по-разному, но выбрано оно было удачно. На борту «Голубого авизо» царило равенство того круга людей, в котором не любят выделяться. Все знали друг друга, однако из самых лучших побуждений соблюдали обоюдно инкогнито. Это придавало обществу известную непринужденность, даже некоторую раскованность.

Издержки по поездке на Геспериды взяли на себя Проконсул и Ландфогт, однако «Голубой авизо» не был ни военным, ни правительственным кораблем. Наоборот, здесь преобладали частные лица; бросалось в глаза, что большинство гостей были столпами бизнеса. Рядом с местами для официальных лиц имелись столики для представителей торгового мира, свободных ученых, художников и даже лиц, путешествующих для собственного удовольствия.

Геспериды представляли собой огромный перевалочный пункт товаров и идей; в их портах швартовались целые космические флотилии. По ту сторону Гесперид лежали неизведанные просторы с фантастическими угодьями, не покоренные еще современной техникой. Там били источники богатства, власти, неизвестных наук. К ним стремились припасть, проникнуть в эти райские кущи Нового Света. И если что и объединяло разношерстное общество, так то был дух высочайшего авантюризма, искавший для себя пищу в природных богатствах тех просторов.

Новые миры умножали познания, богатство, власть. Но, пожалуй, можно было сказать и так, что все уже созрело, сформировалось в человеке, чтобы реализовать себя в пространстве. Рычаги духа достигли однажды того размаха, которого так не хватало Архимеду. И когда степень свободы передвижения позволила это, мир увеличился благодаря открытию Америки. Так случилось и теперь. Дух, воля человека стали намного сильнее старых оков, переросли рамки привычного равновесия. С этого начался конец модернизма, что мало кто заметил. Сначала рухнули внутренние препоны, потом внешние границы. Легионы полегли под знаками и символами новых Прометеев, похитивших огонь, в горниле которого сталь закалялась, шипя в крови. Во сколько жертв обошлось одно только то, что человек стал летать, – погибли миллионы, и подобных глав немало в истории этого мира. Но, сверкая, словно священные дары, вознесенные в гнев к свету, эти летательные аппараты обрели власть духа. Как стрела, пущенная с тетивы устрещающе гигантского лука, летели они на крыльях к своей далекой цели. И многим уже казалось, что она достигнута.

Здесь, на корабле, сидели в непринужденной позе офицеры Проконсула, навещавшие свои родовые замки в Бургляндии. Тут были и светловолосые саксы, и более темные франки; Луций вел свою родословную от обеих кровей. Еще вольнее чувствовали себя стрелки Ориона – снисходительно раскованные и безмятежно веселые. Они любили свободные, не стесняющие движений одежды богатых людей, уставших от постоянно окружающей их роскоши.

В противоположность им чиновники Центрального ведомства испытывали напряжение и были замкнуты, как к тому обязывает нормированный образ жизни. Их было много, и узнать их было легко – от высоких чинов до мелких подручных и ищек. Различие заключалось не столько в качестве, сколько в юркости и суетливости. Только редкие лица светились живым аналитическим умом: в таком случае это наверняка были мавританцы, поступившие к ним на службу; они превращали ее для себя в спорт. Почти у всех чиновников был желчный цвет лица, указывавший не только на то, что они работали в подземелье и глубоко за полночь, но и на тот особый дух, которым отмечены службы, где сотрудников объединяет не мораль и воспитанность, а единомыслие. Но здесь, на корабле, они прилежно предавались праздности,

¹³ «Здесь не признают авторитетов» (фр.).

веселились, как могли, словно ремесленники в воскресные и праздничные дни. При этом они заметно проигрывали на фоне остальных, поскольку их сила состояла в исполнении служебных функций.

Что могло придавать мавританцам такую уверенность в себе? Их стиль нельзя было назвать ни бюрократическим, ни военным, однако он выдавал их сразу, стоило лишь понаблюдать за ними. За столом напротив сидел доктор Мертенс, лейб-медик Ландфогта и шеф Токсикологического института на Кастельмарино, бывший, без сомнения, из их числа и притом не мелкая сошка, у той ведь только один девиз: «Все запрещено». Наверняка он был допущен к высшим чинам, к той, другой половине, где, наоборот, «Все дозволено». Об этом свидетельствовала его улыбка сатрапа, с которой он, чуть ли не священнодействуя, отдавался завтраку. Он появился в кают-компании довольно поздно и приводил себя сначала в порядок после вчерашней попойки двумя бутылками минеральной воды. Сейчас же, выпив портвейна, он принялся за омара. У этих мавританцев были завидные желудки, да и, кроме того, оптимисты всегда любят сытно позавтракать. Он ловко отделил руками клешни от разъезжающегося в разные стороны панциря и сам казался за этим занятием похожим на одного из тех пучеглазых морских животных, которые, захватив большими и малыми клешнями свою добычу, разглядывают ее торчащими глазами. Пожалуй, он проделывал в своей жизни операции и похлеще. «Je regarde et je garde»¹⁴, – гласил один из девизов мавританцев. И если свободное времяпрепровождение господ из Центрального ведомства походило на холостой ход машины и было, по сути, не чем иным, как завуалированной скукой, то у таких типов, как этот Мертенс, подобная акция, напротив, выглядела приятной данью вынужденному безделью. Каждое мгновение окупалось с лихвой. Складывалось впечатление, что игра велась беспробитно, не то что теми, другими, вечно отмеченными печатью недовольства и сменяемыми слепыми страстями и меланхолией. Они напоминали ящериц, безмятежно греющихся на камнях на солнце и молниеносно и без промаха хватающих свою жертву. Разделяя выпавшую на их долю участь, они не расслаблялись. У них, по-видимому, была какая-то своя теория времени. И в придачу к тому, без сомнения, еще колоссальные знания фактора боли и физических и духовных способов извлечения из нее пользы для себя. «Мир принадлежит не знающим страха!» Этот лозунг должен был способствовать возрождению древних норм духа, несовместимых с сегодняшними беспорядками. Опять отрыгнули новые победы стоицизма. Уже кое-кто, незаметно для остальных, обменивался при встрече взаимными улыбками.

Луций порой вызывал благосклонность мавританцев. Возникало такое ощущение, что при встрече с подобными им взгляд на вещи упрощался. Они прочесывали старинные города, полные готических, фаустовских уголков, потом кварталы, кишевшие чернью. По другую сторону городских валов и стен они останавливались, обретая простор. Прояснялись и правила игры, определялась награда, ради которой все затевалось. Они были прозорливее остальных участников игры. На этом и зиждилась власть мавританцев. Они знали условия выживания, в их руках был ключ к новой жизни, новому миру. То был момент, когда Луция охватывал страх. Он отшатывался в ужасе перед их подходом к жизни, удобным только для себя и не ведающим сострадания к другим, перед этим миром, где женская красота была не без греха, а искусство не знало полутонов.

Ученые-исследователи сидели в кают-компании большей частью поодиночке, углубившись в разговоры с библиотеками, институтами, музеями или в собственные записи. Следы упорного труда, особенно в ночные часы, заметно отпечатались на их лицах. Необычайное расширение мирового пространства увеличивало поле их деятельности, требовавшее научной организации и обозримости. Справиться со всем этим было бы невозможно, если бы не удалось упростить гениальнейшим образом методику и практику использования достигнутых

¹⁴ «Я смотрю и высматриваю» (фр.).

научных результатов. Энциклопедическая классификация стала всеобъемлющей и охватывала даже мелочи. Новое мышление, наметившееся уже к началу двадцатого века, характеризовалось практической взаимосвязью рационального с абстрактным. К этому добавлялось то, что регистрация и статистика данных обеспечивались в высшей степени думающими машинами. В подземных библиотеках и архивах, где хранились картотеки, осуществлялся кропотливейший титанический труд. Однако существовали довольно темные инстанции, вроде Координатного ведомства, определявшего в системе координат местонахождение любой точки, любого предмета на земном шаре. Эта простейшая идея пришла в голову одному мавританцу. Крест – оси координат – украшал гербовый щит ведомства, а вместе с ним и богохульный девиз: «Stat cux dum volvitur orbis»¹⁵. Работа там велась без слов и незаметно для глаз. Она как бы породнилась с музыкой, поскольку и на нее нашелся метроном, механически задававший ей темп. Один ученый-археолог обнаружил при раскопках древнего захоронения в Закавказье ручку от вазы, лишившую его покоя. Он выслал ее размеры в Координатное ведомство, где эти данные запустили в машину. Та выдала сведения, и архивариус составил список объектов, контуры которых в той или иной степени приближались к находке. Это могли быть как другие вазы, так даже и рисунки вышивок, иероглифы или раковина соответствующей формы, найденная на берегу Крита. К списку были приложены сведения из каталогов музеев и из научных справочников. Но то была лишь одна из функций Координатного ведомства; существовали еще и другие, более сомнительного свойства. Так, в Координатном ведомстве могли запеленговать любую точку на земном шаре, что было само по себе угрожающим. В ведомство непрерывно поступали отовсюду разные сведения и, логически препарированные, оседали в его картотеках. С ростом архива росла и власть. План зиждился, как и все прикидки мавританцев, на совершенно примитивной идее, рассчитанной на то, что они лучше других знают правила игры. В принципе, это был триумф аналитической геометрии. Они знали, чем определяется власть в пространстве, лишенном качественной характеристики и поддающемся учету в системе координат. Они знали, что индексирование черепов таит в себе опасность, и держали эти данные про запас.

У них было оружие против любой теории, и они знали, что там, где все дозволено, можно все и доказать. Но право выбора действия они оставляли за собой. У себя в ведомстве они протежировали подобно гелотов – бессловесным рабам, любившим порываться в пыльных папках, поощряли и женские кадры, не проявлявшие особой инициативы, зато обладавшие большой интуицией. Членов Ордена мавританцев там можно было встретить крайне редко и только в тех неприметных кабинетах, похожих на серые чуланчики со звуконепроницаемыми стенами, откуда паук наблюдает за раскинутой им сетью паутины. Луций припомнил одну из таких дверей, где на матовом стекле виднелась табличка «Энцефалозные», – видеть сквозь дверь можно было только с внутренней стороны. Для посвященных надпись на двери была символическим обозначением внутриведомственной статистики, несшим информацию для своих и олицетворявшим собой власть для чужих. Луцию нравилось навещать Координатное ведомство, что он изредка делал по поручению Проконсула. Там всегда царила атмосфера закрытых дверей, а стены кабинетов покрывала загадочная тайнопись. Все многообразие мира умещалось здесь для тех, кого не сбивали с толку калейдоскопические комбинации цифр всего лишь в нескольких закодированных знаках. Они повторялись, чередуясь, и, кто знал их секрет, у того и был в руках ключ к власти.

При таком положении дел становилось понятным, что как Ландфогт, так и Проконсул рассматривали Координатное ведомство как средство для усиления своей военной мощи. Однако вмешательство в его действия было затруднено именно благодаря той гениальной по четкости схеме, по которой оно функционировало. Эффективность его действий зависела

¹⁵ «Стоит крест, пока Земля вертится» (лат.).

от немногозначного шифра, надежно засекреченного, уничтожение которого превратило бы несметные богатства архива в мертвый балласт, в бессмысленный хлам. Это был хитрый ход мавританцев: сила духа в чистом виде, пренебрегающего грубым оружием и обходящегося без него.

Оба стрелка Ориона продолжали тем временем свою беседу. Как часто бывает, в рассказах охотников не так-то просто определить, где кончается правда и где начинается выдумка.

– Пожалуй, скорее следует считать, что речь идет об облаках или диффузных туманностях. При нападении они сгущаются, сжимаясь, как медузы, и приобретают великолепную окраску. Они набрасываются на свою добычу со скоростью кометы.

– Тогда по правилам охоты нужно брать оружие самого крупного калибра.

– И при этом результативным будет только оружие центрального боя.

До слуха Луция долетели обрывки разговоров и с соседних столов. Голоса становились все громче.

– Техника – своего рода его мечта, но она приживется в лучшем случае только по ту сторону Гесперид.

– Он знает даже такие сферы ее применения, где она действует магически. Аппараты упрощаются и сводятся к минимуму, приобретая характер талисманов.

– Аналогично тому, как крылья перестают выполнять свою функцию, когда скорость становится абсолютной.

– Например, в падении.

– И формулы оборачиваются магическими заклинаниями.

Потом послышалось откуда-то подальше:

– Власть распределена там по мелким участкам, привязана к земле. Даже в крошечном садике владелец частной собственности обладает неограниченной властью. Право ограничения действует только на общественных дорогах, водных магистралях и муниципальных землях.

– А существует ли хоть какая ответственность – ну, например, могут ли схватить за убийство на собственной территории вне ее пределов?

– Нет, потому что собственность – это не *refugium sacrum*¹⁶, а просто *sacrum*¹⁷.

– А если кто совершит насильственные действия, направленные за пределы собственной территории, – например, бросит что-нибудь или выстрелит?

– Тогда это повлечет за собой репрессии с той стороны. Впрочем, все это остается только в теории, так как нравственность находится на очень высоком уровне. Это скорее вопрос свободы...

И тут же еще, уже ближе:

– Если Регент засекречивает все военные средства, так не потому, что хочет иметь их только для себя. Тут вы его недооцениваете. Тот, кто может концентрировать космическую энергию, презирает земные силы.

– Говорят, он приказал парить в воздухе зеркальным отражателям, разместив их там целыми группами?

– Возможно, он экранирует космические средства нападения от телескопов.

– Это как-то неубедительно. Даже самые большие поверхности можно обезопасить от просмотра, если поставить их в плоскости к меридиану. Тогда и расстояние не будет играть никакой роли. Он ведь, маскируясь космической тенью, приближается на фокусное расстояние.

– И тем самым отпадает возможность военного предупреждения. Он как раз и любит оружие устрашения.

¹⁶ Святое, неприкосновенное убежище (*лат.*).

¹⁷ Святыня (*лат.*).

И тут включился высокий и властный голос. Он был знаком Луцию по лекциям. Это был голос германиста Фернкорна, к которому он также время от времени обращался с просьбой идентифицировать рукопись. Ученый вечно сутулился, и у него было лицо человека переутомленного, однако проявлявшего к собеседнику неослабевающее внимание. Про него говорили, что он спит по четыре часа в сутки. Каждая произнесенная им фраза свидетельствовала об изысканности речи и одновременно некоторой ее витиеватости. У него была слава человека, гениально чувствовавшего аудиторию. Большинство ее всегда составляли женщины.

– ...на ужин овсяную кашу, слегка поджаренный белый хлеб. Затем бокал малаги. Пусть Ангелика поставит на стол мои капли. Я продолжу свою работу по истории раннего автоматизма, ее клиническую часть. Подготовьте мне раздел по Бронте, а также выдержки из Антонио Пери об опиуме. По Клейсту мне нужны следующие данные...

– Нет, из Центрального архива, по фонофору. Во-первых, весной 1945 года в районе Ваннзее произошли массовые случаи самоубийства. Как расположены захоронения, нет, по кадастру, с могилой Клейста в центре? Я предполагаю в данном случае наличие определенной болезни, некую сыпь, первый признак которой появляется особенно рано. Во-вторых, относительно статистики самоубийств. Выстрелы в голову и сердце. Мне нужно выяснить обстоятельства, при которых оружие приставляется к виску. В-третьих, к вопросу о расположении могил. Ближе всего к Клейсту вассал, потом соперник Наполеона. Что касается Генриетты Фогель...

Его заглушили другие голоса. Однако, как это зачастую случается, отчетливее были слышны тихие голоса, и Луций уловил разговор, происходивший у него за спиной. Его явно вели двое молодых людей.

– Да, бывает так, один взмах ресниц, какая-то доля секунды, и высекается искра. Так у меня было с Сильвией. Я спускался по лестнице, где по бокам висят картины, и столкнулся там со своей сестрой Эвелиной. Она засмеялась, когда я проходил мимо. Я остановил ее и шепнул ей: «Я иду в сад. Вот было бы здорово, если бы я встретил там Сильвию». Она ударила меня веером: «Я сейчас закажу это Санта-Клаусу, Франсуа». И вернулась назад в зал. В саду было жарко, с островов дул сирокко. Я чувствовал, что мне в голову ударяет вино. Сорвав с себя тунику, я прислонился голым телом к кусту олеандра. Листья были изумительно прохладной. Потом тихо звякнула калитка, и появилась Сильвия. Ее кринолин переливался красками, подол задевал лилии. Она придерживала его обеими руками, проходя мимо клумб. Я стоял, не шелохнувшись и не проронив ни звука, она наткнулась на меня, как на статую, плававшую в темноте жарким пламенем. Она...

Луций изогнулся вокруг колонны, чтобы увидеть говорящего, – это был молодой Бомануар, возвращавшийся из Бургландии в Военную школу. Он делился со своим другом впечатлениями проведенных каникул. Тот засмеялся.

– Это очень похоже на тебя, Франсуа. *Doux et dur!*¹⁸

Аэроионизаторы на колоннах искрили непрерывно. Маленькие аппараты на столах только усиливали их действие. Зал работал, словно гигантский мозг, продуцирующий серии внутренних монологов, рассказов, воспоминаний, связанных и бессвязных комбинаций, возникающих будто во сне. Легкая корабельная качка убаюкивала волю. Она лишала мысли резкости, скругляла острые углы в разговорах. И выносила наверх все праздное, салонное, искрометное. На «Голубом авизо» царила та же свобода духа, что и в стране замков. Даже Шолвин, банкир из парсов и финансовый советник Проконсула, вечно занятый делами, похвалил пребывание на корабле, назвав его весьма приятным, «поскольку мозг здесь продолжает работать абсолютно бесплатно».

То, что в таких поездках была крайняя необходимость, можно было заключить уже по тому, с каким удовольствием воспользовались все кораблем, обеспечивающим комфорт и уют

¹⁸ Нежный и суровый! (*фр.*)

на старомодный лад. Политиков и всех тех, кто активно плел узор интриг, временами тоже охватывало желание воочию увидеть сплетенный ими узор, и не в виде нитей, за которые каждый из них дергал в отдельности, а как произведенную продукцию в готовом виде. Быть зрителем – одно из самых древних и великих желаний человека: стоя по другую сторону от распрей, любоваться их зрелищем. Это настроение, общее для всех, стало как-то особенно очевидным к концу морского путешествия – все словно в последний раз прохаживались по фойе перед тем, как раздастся последний звонок.

* * *

У другой колонны, у входа с надписью *Ici on ne se respecte pas* , стоял мессир Гранде; Луций увидел его краем глаза, не меняя своей мечтательной позы. Если кто и не был подвержен всеобщей светскости, царившей на «Голубом авизо», так это был мессир Гранде, похвалившийся тем, что непрерывно несет службу.

Луций почувствовал, что мессир Гранде злобно уставился на него и тех двоих егерей. Глаза этого человека выражали беспокойство, белки были желтыми, а лицо имело оливковый оттенок. Черты его лица все время двигались, он жевал губами, мышцы дергались, словно в них сжимались и разжимались маленькие пружинки. Про него говорили, что он, отдыхая в саду Центрального ведомства от заседаний, сбивал ударом прута головки цветов.

Не поворачивая головы, Луций взял фонофор и набрал одну из постоянных линий связи. Ответил твердый, словно мраморный голос:

– Проконсул, приемная.

Патрон придавал большое значение тому, чтобы все, что исходило из Дворца, было без сучка и задоринки.

– Говорит «Голубой авизо», командор де Геер. Тереза, не запишете ли меня на прием на вторую половину дня?

– Замечательно, что вы прибываете, командор. Патрону недоставало вас. Вы будете на обеде?

– Нет, спасибо, Тереза, мне не хочется переодеваться. Донна Эмилия принесет мне наверх что-нибудь перекусить. Пусть заберет также Аламута. Конец связи, до встречи.

Он вышел, не оглядываясь. У него сразу испортилось настроение из-за разговора, словно он сделал это по принуждению; к тому же ему показалось, что в голосе его была скованность.

Так подают реплики на провинциальных сценах или проговаривают монолог в плохой пьесе. И такой дьявол, как мессир Гранде, сидит и слышит всю подноготную, едва прикрытую либретто.

Луция не столько раздражала проявленная им слабость, сколько то, что он сам это почувствовал: осознавая свою слабость, невольно подпадаешь под ауру страха, окружающую инквизитора, тем самым признавая и его притязания на тебя. Поражение начинается с утраты неприужденности поведения.

Небо сияло безоблачной голубизной. Солнце поднялось уже высоко, но воздух все еще дышал свежестью. Ручки на окнах и дверях кают и поручни «Голубого авизо» сверкали позолотой. Корабль низко сидел в воде. Медный котел блестел, как пузатая фляжка, из горлышка которой сипел пар. Команда надраила его на совесть, чтобы сразу сойти на берег. Луций вспоминал каждый раз, глядя на него, те пароходики, которые ему дарили на Рождество. И это тоже входило в намерения задуманного в старинном стиле морского путешествия. Всем надоели высокие скорости и современные формы судов. В них было что-то акулье. И кроме того, они постоянно будили воспоминания о страшных днях. Старинные корабли таили в себе прелесть путешествий морем и потому заново возрождались к жизни во всем многообразии форм. С ними прекрасно сочеталась также идея беспрепятственного подчинения себе времени, словно

утратившего свою беспредельную власть. И мода тоже приспособилась к этим настроениям в обществе. Среди фабричных одежд трудового люда, спешившего на работу, в общей массе замелькали костюмы покроя и материала времен расцвета буржуазии – из тафты и шелка, в полоску и с яркими цветами, словно порхали бабочки, разбуженные осенним солнцем. Модельеры следили за исторической последовательностью в смене рисунка набивных тканей, стилизовали его и в настоящий момент добрались до тех дней доброго старого времени, когда Фиески стрелял в Луи Филиппа.

Корабль шел тихим ходом, он приближался к островам, следуя по сигналам лоцманской службы Гелиополя. Капитан застыл на мостике, словно кукла на игрушечном корабле. Его синий фрак с золотыми пуговицами и цилиндр только усиливали это впечатление. Луций поднялся на носовую палубу и перегнулся через борт.

В заливе водилось много морской живности, и в тихих лагунах между островами она поднималась из глубин на поверхность. Еще устремлялись, несмотря на близость рифов, тучи летучих рыб к поверхности воды. Луций видел на глубине убегавшие из-под корабля тени с мраморными разводами на спинах. Сверкая на солнце перламутром, они выстреливали в воздух, как ракеты. Чуждая им воздушная среда заставляла их деревенеть, плавники расправлялись с сухим треском, как костяные веера, отливая радужным блеском опала; концы ложных ребер, проткнув кожные складки, торчали, как китовый ус из корсета андалузского шелка. С каждого кончика острия в море падали перламутровые капли. Легкий встречный ветер раздувал плавники летучих рыб; спинки блестели, переливаясь всеми цветами радуги. Взгляд успевал ухватить тончайший рисунок чешуи и огранку блестящего глаза с широким золотисто-зеленым ободком. Рыбы парили в планирующем полете, постепенно снижаясь, складывали потом плавники-крылья и шлепались, поднимая брызги, в воду. Тень корабля непрерывно вспугивала все новые стаи рыб, веером разбегавшихся из-под него в разные стороны. А над кораблем кружили буревестники. Время от времени они камнем падали вниз и вонзали свои красные лапки в одного из голубых пилотов.

Скольким опасностям подвергался этот короткий полет в воздухе! Прожорливые хищники не спускали с них глаз, пока они парили в лучах света; а в толще вод их уже подкарауливали синеперые и золотистые тунцы. Однако из морских глубин все поднимались и поднимались новые стаи летучих рыб. Тени погибших влекли за собой живых.

Полеты стали реже, в воде обнажились светлые рифы. На морской глади покачивались теперь колокола гидромедуз, сверкая черным серебром. Небо отражалось в их куполах. Длинные щупальца бахромой висели в воде, шевелясь и закручиваясь на ходу. Из синих морских глубин они горели пурпуровым огнем и жгли глаза, словно свойство их стрекательных веществ передавалось исходившему от них излучению.

Луций свесился за борт еще ниже. И другие медузы тоже поднимались вверх. Перемещаясь мягкими толчками, они то расправляли, то опять сжимали свои зонтики. Светилась симметрия рисунка, как решетка кристалла. Краски становились все теплее и блекли в такт движениям, когда вздувшийся зонтик тускнел и расплющивался. Подобно шлейфу или вуалям танцовщиц, тянулись за ними их хищные усики. Казалось, что в живой воде ритмично пульсирует сердце, ярко горят зрачки лучезарным светом, спариваются в сладострастном объятии разнополюе живые существа. В морских пучинах рождалась и формировалась жизнь. Луций склонился еще ниже – в такие минуты ему чудилось, что он слышит биение сердца универсума, приливы и отливы мощного дыхания, хранящего нас. Луций почувствовал, как взор его затуманился. Из глаз брызнули слезы.

Корабль продвигался очень медленно, он почти касался остатков древнеримских укреплений. Белая скала просматривалась почти до самого дна; вода над ее уступами играла в солнечных бликах, как оправленный в золото аквамарин. Отвесно уходящая вниз подводная часть стены была испещрена причудливыми узорами, создаваемыми обилием живых существ, оби-

тавших на ней. Щупальца полипов, усики, присоски, шипы, рога, клешни, половые органы – все цело, как многоцветный ковер, тихо покачивавшийся в волнующейся воде. Вот вспыхнула красная морская звезда. Сквозь коралловые заросли виднелся подводный грот. Там в полумраке стояло стадо кальмаров; белесые тела подняли пурпуровую водяную пыль, когда тень корабля вспугнула их. Глаз, казалось, различал организмы, слившиеся с пластами воды и походившие на прозрачные кристаллики, становившиеся видимыми, когда они искрились огоньками. Мистика какая-то – словно это были зримые идеи плана сотворения мира, лишь не получившие своего материального воплощения. Что бы случилось с ними, если бы легкая волна выбросила их на прибрежную кромку? Серебряная пленочка, пятнышко засохшей пены, бывшее однажды вместилищем чудес, свершаемых высшими силами?

Все это могло бы наполнить содержанием ту форму жизни, которая еще оставалась вполне приемлемой. Луций часто думал об этом: на каком-нибудь далеком острове, посреди теплого моря, в хижине и с маленькой лодкой – вот где можно жить насыщенной духовной жизнью простого рыбака, отрешенно забрасывающего свои сети в Нептуновы уголья, полные морских чудес. Бог задал много загадок; видимо-невидимо скрывалось их в коралловых рифах, морских тайниках, на каменистом дне. Ни одну из них не дано будет решить, однако чувство удовлетворения не покинет ищущего. Откуда ему знать, что означают мельчайшие иероглифы на морской раковине или домике улитки? Однако ощущение счастья пребудет с ним. Можно будет издали ощутить ту меру, на которой зиждется мир, услышать такты морских прибоев, звуки небесной музыки. Жизнь протекала бы там в тиши, как у древних отшельников, живших в скитах, покрытых тростником, вдали от всех тщеславных наук. Возможно, с течением лет, десятилетий удалось бы научиться чтить в каждом живом создании руку, дыхание Творца. Именно так следует укреплять свой дух в преддверии того момента, когда придет пора покинуть глинобитный скит и постучаться во врата вечности.

* * *

Проходить проливом Кастельмарино было разрешено только военным и государственным судам; он зорко охранялся с высоты скалистых берегов. Остров назывался так же; название происходило от Кастелетто – небольшой крепости, стоявшей здесь с незапамятных времен и возведенной еще на доисторическом фундаменте, сложенном из бутового камня; имена создателей остались неизвестными. Возможно, они воздвигли крепость с самого начала с целью покорения залива и городов, разбросанных по побережью, – и прежде всего Гелиополя. Владельцы ее менялись со сменой династий, а во времена анархий она, пожалуй, могла оказываться и в руках морских пиратов, отдыхавших тут от своих набегов и надежно прятавших награбленную добычу. Уже с давних пор замок и остров служили местом заключения. Как есть на земном шаре места, где с древнейших времен одно святилище сменяет другое, так и места заключения хранят свое постоянство. На них словно лежит проклятие, притягивающее сюда все новые и новые жертвы. Они сменяют друг друга с приливами и отливами в истории человечества, в зависимости от того, доставляли их сюда по приказу тирана или именем свободы, в эти темницы ужаса, откуда из подземелья вечно доносилось невнятное бормотание голосов, словно неумолкаемая литания. Бесчисленные жертвы томились, медленно погибая, изо дня в день в подвалах замка.

Даже сейчас, при свете дня, морская крепость производила дурное впечатление, это было плохое место, гнездо зла и насилия. Корабль медленно скользил, проходя мимо него. Замок был построен в виде каре, с внутренним двориком посередине. Четыре мощные башни поднимались по углам. Пятая, полукруглая, вырастала из стены, обращенной к морю. В ней находились большие, утыканные шипами ворота замка и подъемный мост. Мощные стены были изрезаны бойницами, похожими на щели замочных скважин. За века стены подверглись природному

разрушению, вода и ветры иссушили и скруглили квадратные формы, так что башни торчали кверху конусообразными сталагмитами. Там, где соленый морской воздух разъел чугунные оконные решетки, по стенам потянулись вниз длинные ржавые космы. На острове почти не было деревьев, только темные кипарисы уцепились корнями за его рубцы и ссадины.

По фасаду, обращенному к морю, перед замком был разбит полукругом передний дворик. Парапет, окружавший его, украшали, вероятно, когда-то статуи, но уже давным-давно постаменты стояли пустыми. И изображение на гербе тоже было разбито; крепость пережила не одно иконоборство. Теперь на ней почти не осталось никаких символов власти, кроме красного флага с фаустпатроном на одной из ее башен, – казалось, ничто не сохранилось от прежних времен, кроме абстрактной зловещей силы.

Передний дворик лесенкой сбегал к воде. Пологие ступени обволакивали темные морские водоросли. Там же из воды торчали красные сваи лодочного причала. Пассажиры, выпавшие на палубу, разглядывали причал. Корабль безмолвно прошел мимо, миновал его, как театральный подъезд, сулящий зловещую пьесу на сцене.

На лестнице лежал распластанный труп. Старик с длинной белой бородой, одетый в синие холщовые штаны и такую же куртку, распахнутую на груди. Казалось, мертвец глядит в небо, голые его ноги были по щиколотку в воде. При приближении корабля с него поднялись морские птицы. Красной тенью метнулся в воду косяк крабов.

Путешественники молча проплывали мимо этого зрелища. Видно было, что увиденное глубоко потрясло их, но никто не проронил ни слова. Над ними уже витал дух Гелиополя. Луций все еще стоял на носу; он видел всю группу в профиль. Красуясь яркими, отделанными галунами и украшенными орденами мундирами, парадными чиновничьими униформами, с эмблемами и прочими знаками отличия могучих Орден, в легких прогулочных или охотничьих костюмах, все они как бы являли собой концентрацию власти. Правда, брака по любви промеж ними не было, один подстерегал другого, действуя по законам и обычаям восточных дворцов, где принцы-наследники коварно враждуют друг с другом. Но сейчас, при виде трупа, они, забыв про все, словно сблизились, опасность объединила их.

У Луция же как-то сразу сложилось впечатление, будто спокойно лежащий на каменном ложе мертвец источает необычайную силу. Хотя вид его и вызывал отвращение – птицы рвали его клювами, добираясь до печени, а ступни ног стали добычей мелкой морской нечисти, – он все же в чем-то бесконечно превосходил гордящееся собой общество, и от него исходили для них угроза и страх. Именно это обстоятельство и обращал в свою пользу мессир Гранде, хотя и сам был подвержен тем же чувствам.

Море было тихим, поэтому мертвеца вряд ли прибило к берегу. Да и наверняка его бы увидели дозорные с замка и те, что прятались в рифах. Значит, его положили сюда специально, как приманку для страха. Таков был метод мессира Гранде, ведавшего полицией Ландфогта и считавшего, что тайна всегда благоприятствует делу. «Ночь, туман и бесшумное оружие» – был один из его паролей. Когда он кутил в «Диване» со своими приближенными и вино одерживало над ним верх, глазки его начинали радостно поблескивать: «Ребятки, когда настает ночь, король – я!» Эти слова возвещали начало оргии.

Там, где царил страх, он чувствовал себя как дома, а где шептались или нашептывали на ушко, там он был третьим, подслушивая. По этой причине он любил наводящие ужас слухи и считал их более действенной силой, чем явное насилие. Действительно, случалось видеть, как преследуемые им жертвы облегченно вздыхали, когда его палачи наконец хватали их. Однако он не гнушался выставлять напоказ то, что внушало страх, раз это было ему выгодно. «Молчание – золото, – имел он обыкновение говорить, – но нужно еще уметь обеспечить себе достоверное прикрытие». Поэтому, по-видимому, не было случайностью, что «Голубой авизо», на котором находился и кое-кто из его врагов, шел мимо этого мертвеца, лежавшего перед зам-

ком-тюрьмой как пример одной из жертв, которым несть числа. Картина эта могла подстегнуть усердие и преданность друзей. Предстояли важные события.

Замок на море служил Ландфогту пересылочным пунктом, особенно для узников, чья участь уже была предрешена. Тот, кого высаживали на пустынном переднем дворике, уже прошел тюрьму, находившуюся в подчинении Центрального ведомства. Дурным предзнаменованием было, если путь отсюда вел вниз, к причалу. Только немногих оставляли в крепости – как в особо надежном застенке. Они сидели в башнях или подвальных сырых камерах пожизненного заключения, куда проникала вода. Важных пленных держали еще и в средней башне, обставленной с комфортом. Большинство из них, однако, упорно дожидались – кто дольше, кто быстрее – решения, согласно которому должна была определиться их судьба. Эти короткие туманные фразы стояли в конце дела. Одних увозили после того на изнурительные принудительные работы, предвещавшие скорый конец, например в рудники под землей, других сразу туда, откуда уже не возвращаются. Поговаривали и о чудовищных вещах. Где-то в глубине острова, в одном из ущелий, называвшемся Мальпассо, находилось здание, где людей травили ядами, – «Токсикологический институт», возглавляемый доктором Мертенсом. Ходили слухи, что мессир Гранде частенько бывал там; он испытывал слабость к этой науке, как и вообще к прогрессу.

Труп скрылся из глаз, оцепенение прошло. Вокруг мессира Гранде образовался кружок, чиновники Центрального ведомства, да и специалисты-технократы тоже окружили его. То, что его физиономия маячила у них перед глазами, как-то успокаивало их. Он кивнул доктору Мертенсу и с удовлетворением посмотрел на остров. Потом похвалил погоду и позволил остальным присоединиться к его словам. Он с шумом втянул ноздрями свежий морской ветерок.

Остальное общество держалось от него подальше. Торговцы и банкиры вроде Шолвина исчезли с палубы; они молча растворились, словно испарившись. Мавританцы в небрежных и скукающих позах смотрели на рифы. Они сохраняли полное спокойствие – наподобие кошки, почуявшей мышь. Посвященный, однако, мог заметить кое-какие жесты, выдававшие выработавшийся условный рефлекс: мечтательно и как бы мимоходом притронувшись к левому лацкану, они словно проверяли, на месте ли орденская ленточка, на самом же деле там в подкладке у них был спрятан яд, взятый ими на вооружение совсем недавно; о тайном существовании его знал и завидовал им мессир Гранде. Яд разработал в своем институте доктор Мертенс, но не в качестве Главного врача, а как свободный ученый-исследователь Ордена мавританцев. Недостатка в пациентах он не испытывал. До сих пор они применяли одно средство, которое валило, подобно удару молнии, однако экстракт из болиголова, в отличие от того, лишал человека сначала чувства боли, потом ума. Таким образом, получался еще выигрыш во времени, когда можно было занять для себя позицию, разработать идею, сделать донесение, имея живой материал под рукой и оставаясь неуязвимым. Они хотели, творя зло, не только сохранить свое достоинство, но и иметь еще некоторую перспективу.

Хотя ряды и сомкнулись при виде мертвого, однако разделение сил просматривалось четко. Офицеры и чиновники Проконсула с трудом скрывали свое неудовольствие. Их, воспитанных в духе открытой, легальной власти, беспокоило все то негласное, двусмысленное, что было свойственно действиям Ландфогта. Грязные злодеяния смущали их. К тому же они чувствовали, что это оскверняет военный мундир. Знал это, конечно, и мессир Гранде, поэтому он и форсировал тот гнусный инцидент, превратив его в спектакль для них. Пусть никто из этих чистоплюев не воображает, что он не замечает их реакции. Но, с другой стороны, он и своих головорезов облачил в те же мундиры, чтобы их чествовали наравне с теми, кто защищает народ и отечество. Вот в какое положение были поставлены старые офицеры, словно попавшие на званый пир, начавшийся в традициях, приличествующих высшему обществу, куда затесался кое-кто из гостей с сомнительным прошлым. Когда же высшее общество встало из-за стола, эти последние впустили исподтишка в зал своих сторонников. Высокие гости еще пытаются

сделать вид, что ничего не замечают, обратить в шутку или даже осудить происходящее, но в душе они уже знают, что насильники захватят позиции и вытеснят их. И ах! — они уже не уверены, стоило ли так неосмотрительно допускать их в зал и вообще хозяева ли они еще этого дома? Кто-то еще беспокоится о целостности фамильного серебра или спорит о том, позволяет ли этикет курить перед десертом, а в дверях уже вырос некто с приплюснутой квадратной головой. И тогда всем становится ясно, что час их пробил. Спор утихает. Молча расходятся они, думая только об одном: кто и как расправится друг с другом.

В Гелиополе события тем временем приняли такой оборот, что Ландфогт, с *политической* точки зрения, уже забрал власть в свои руки, хотя *реально* она все еще была у Проконсула. И, опираясь на это, он мог устанавливать в любом пункте, где ему заблагорассудится, свой порядок — однако именно только в отдельных пунктах, поскольку в целом порядка становилось все меньше и меньше. Соответственно, и его офицеры чувствовали себя вольготно только на ограниченной территории — в своих штаб-квартирах, укрепленных гарнизонах и на островах, хранивших верность Проконсулу, — там они были среди своих. В принципе, все они уповали на войну, надеясь, что она отдаст всех этих демагогов в их руки. Ландфогт со своей стороны тоже торопил войну, от которой ждал роста беспорядков и дальнейшего распада общества. Прогноз был самый наилучший: в исходе не сомневались ни Проконсул с частью своего штаба, ни кое-кто из глав могучих каст, например, Орион. Поэтому они стремились так настроить войска, чтобы те в случае конфликта ввязались бы лучше в гражданскую войну, чем за пределами границ. Это, правда, предполагало согласованность действий с внешними силами, прежде всего, с Доном Педро, президентом Астурии. Переговоры по этому вопросу и были целью поездки Луция в Бургляндию, замаскированной под отпуск.

В свою очередь, ученые-исследователи, такие как Фернкорн, Горный советник и Орелли, в открытую высказывали свое возмущение положением дел. Что для касты военных безупречность оружия, то для ученых свобода научного исследования, не подвластного никаким иным законам, кроме объективных, вроде оптического излучения. Ландфогт же, напротив, стремился поставить ученых в положение зависимых служащих, унижить их до роли технического персонала и даже превратить в фальсификаторов. С каждым днем его требования и воля все больше вторгались в их деятельность. Уже и в университетах нашлись умы, которые не просто признавали приоритет власти, но и рьяно работали над логическим обоснованием такого положения. Правда, справедливости ради следует сказать, что и наука сама по себе во многом утратила свой престиж; упадок был повсеместным.

Очевидным сейчас было, что при виде этого трупa всем стало ясно, насколько силен противник и скольких он уже перетянул на свою сторону. Увидев его, они все сплотились, и Луций не имел права выделяться. Давно уже прошли те времена, когда все или хотя бы большинство в открытую становилось на сторону того, над кем было совершено злодеяние. Теперь это нужно было делать в одиночку.

* * *

«Голубой авизо» шел теперь полным ходом, приближаясь к выходу из пролива Кастельмарино перед его впадением в Гелиопольский залив. Рифы остались позади, а слева по борту выросла серая сторожевая башня, каких на этом побережье во времена морского разбоя соорудилось великое множество, отчасти для наблюдения за морем, отчасти в качестве площадок для разведения ночного огня. Проконсул разместил тут небольшой отряд для наблюдения за Кастельмарино. Порою случалось, что он опротестовывал аресты; поэтому ему хотелось иметь информацию о том, кого перевозят на остров.

Сторожевая башня стояла на выдававшемся в море утесе острова Виньо-дель-Мар, находившегося по другую сторону пролива Кастельмарино. Только на Виньо-дель-Мар не было

рифов; светлая полоса дюн отделяла остров от моря. На острове нещадно палило солнце, выжигая серое лессовое плато. С тех пор как здесь стали заниматься виноградарством, земли эти были признаны лучшими для разведения винограда. Сами виноградари жили здесь в маленьких хижинах с глубокими подвалами и были искусными мастерами по выращиванию лозы, работа в винограднике была для них радостью. Им был известен весь путь винограда от его жизни на солнце до брожения в чанах в погребах и его дальнейшее чудесное превращение тоже, когда дух его, возродясь в вине, радовал душу весельчака-кутилы. Они производили золотистое вино, славившееся прекрасным букетом, вино достигало своей полной зрелости на пятом году. Знатоки восхваляли его, говоря, что радость Аполлона дополнялась в нем весельем Диониса: светлое начало спорило с буйством темного. Так и возница входит в азарт, погоня стоя резвую четверку рысаков.

Был и еще один сорт – «веккьо». Виноград этот рос на острове только на одном склоне, а вино делали уже из побуревших, сморщенных и перезрелых ягод. С возрастом вино становилось все тоньше и изысканнее. Оно искрилось и играло, как янтарь; когда им наполняли бокалы, в воздухе разливался волшебный аромат. Его не пили во время оргий. Оно предназначалось для торжественных случаев и знаменательных событий, которыми отмечена жизнь. Им потчевали из одного кубка молодую чету на пороге к их брачному ложу. Его подносили князьям и пили в дни празднеств, его давали испить умирающему.

В южной части острова многие богатые гелиополитанцы построили себе в более счастливые времена загородные виллы в сельском духе, им тоже хотелось проследить на лоне природы за тайнами жизни виноградной лозы. Они приглашали к себе своих друзей на праздники местных пастухов и виноделов, а также на рыбную ловлю, когда тунцы косяками шли через пролив. С тех пор как Ландфогт обосновался на соседнем острове, веселья в здешних местах поубавилось. Виллы опустели, стены и увитые виноградом беседки пришли в запустение, а статуи в садах оплел дикий плющ. В жаркий полдень на мозаичных плитах грелись гадюки, а в ночные сумерки из круглых чердачных окон под крышами с башенками бесшумно вылетали в парк совы. В виллах по соседству со сторожевой башней поселились дозорные и давным-давно уже сожгли в каминах деревянные витые лестницы и обшивку холлов. Настенные росписи почернели от дыма. Там, где прежде собиралось изысканное общество для праздничного застолья, раздавались теперь пьяные возгласы и солдатские шутки, как на привале у костра.

Однако виноград все еще созревал в таком изобилии, что из лопнувших ягод сочился виноградный сок и капал, как кровь, в жаркий полдень на землю. Горожане еще навещали порой остров, прибывая в черных гондолах и разукрашенных лодках. Они чувствовали, что привычное вольное житье уходит – то ли от всеобщей ненависти, то ли от духовного обнищания. Они жили в печали, несмотря на роскошные покои, которыми владели; богатство таяло в их руках. Боги отвернулись от них. И тогда им подумалось: а не вернет ли им вино те золотые времена назад? И потекло вино рекой, и хлынуло вместе с ним бывшее раздолье. В вине нашли они согласие, и все, что разделяло их, опять исчезло. Времена, когда все люди были братья, вернулись вновь. Слышались песни, ставились на улице, как прежде, столы перед домами виноделов, под сенью рощ опять встречались влюбленные, а на узких дорожках между виноградниками вели беседы закадычные друзья, обняв друг друга. Мелькала догадка, какие глубокие и пламенные речи произносились ими, зажигательный дух которых, как искра, перекидывался на других: брожение умов приняло необратимый характер. Происходило сближение возрастов и полов.

Лодки и гондолы возвращались в город поздно ночью. Факельные огни и лампы отражались в воде, плескавшейся под мягкими ударами весел. Далеко было слышно хоровое пение, сопровождавшее большие весельные лодки, звучала убаюкивающе нежная песнь гондольера, доставлявшего в порт влюбленную парочку. В ответ раздавались соленые шутки полуголых рыбаков, выходивших в море на ловлю осьминогов с горящими площадками на борту. Они при-

ветствовали, потрясая своим трезубцем, влюбленных романтиков, изображая посланцев Нептуна. А далеко в гавани вертелись в небе огненные колеса и рассыпались брызгами пущенные в небо ракеты. В такие часы забывалось, сколько нищеты и опасностей таило в себе переживаемое ими время. Призрак смерти усиливал потребность в наслаждении. Ловили момент, как ловят, ныряя на опасную глубину, жемчужины. И праздничные оргии казались порой последним пиром перед всеобщим крушением.

* * *

Сторожевая башня стояла у самой воды, корабль прошел рядом с ней. Волны разбились в пену на прибрежной гальке. Бастион стоял на прочном цоколе, плотно заросшем вокруг цветущими алоэ; с корабля видны были огромные метелки крупных ярких цветов. До самого верха башни в трещинах каменной кладки росли желтая лакфиоль и покрытые оранжевыми звездочками каперсы, облюбовавшие для себя это место. Зеленые ящерики юрко взбегали вверх по стене. Зубцы башни украшал проконсульский орел, державший в когтях змею. Над бруствером мелькали порой головы в шлемах.

Совершив маневр, «Голубой авизо» повернул и вошел в залив. Выгнутый широкой дугой и имеющий форму раковины, залив был усеян острокрылыми парусами, а его акваторию бороздили большие суда. Тучи чаек кружились над рыбацкими лодками, где рыбаки сортировали улов, с берега тянуло запахами рынка и испарениями темных, пропитанных солью морских водорослей.

Светлая песчаная полоска берега протянулась промеж двух остроконечных скал, отличавшихся друг от друга цветом горных пород и называвшихся Белый и Красный мыс, где по ночам горели сигнальные огни. Там были разбиты висячие сады и выдолблены в скале ступени, а внизу, наполовину скрытые темными приморскими соснами, ютились старые и новые постройки, береговые укрепления и аквариум, в котором Таубенхаймер руководил изучением морских животных. Из кофейен и маленьких харчевен, наполовину вмурованных своими подвалами в береговую шельф, валил клубами дым из открытых очагов. Гелиополитанцы любили оба этих мыса, которые, словно острия полумесяца, очерчивали залив, как близлежащие места прогулок и отдыха, с висячих террас которых они обозревали и море, и корабли, и острова, и морской ракетодром Регента, пока хозяин кабачка подавал вино, а его жена, поддерживая жар в пылающих углях, махала опахалом из тростника.

К Белому мысу степенно направлялись по *Alée des Flamboyants*. Высокие деревья стояли как раз в цвету; ярко-красной цепочкой пламенеющих крон выделялись они на фоне светлого берега. Живые изгороди из кенафа окаймляли газоны, тянувшиеся вдоль аллеи, а по ту сторону чугунных оград и каменных стен, окружавших дворцы, расположенные вдоль морского берега, садовое искусство поражало воображение своим совершенством. В сумерках парков царила тишина, какая всегда окружает резиденции богачей и сильных мира сего. Свет дворцов падал далеко в море. Особой роскошью отличались особняки могущественных Орденгов.

Дорога к Красному мысу, напротив, пролежала через многолюдную суматоху Большой гавани, защищенной от моря волнорезом. Нужно было пройти вдоль закованной в камень набережной, от которой отходило, выдаваясь в море, несколько пирсов, а на ее широкой, как спина, площади шумели базары, лежали доставленные судами грузы и стояли бесчисленные ларьки торговцев. С суши к ней примыкали кварталы, обычные для портовых городов: склады и арсеналы вперемежку с конторами и увеселительными заведениями. Если для прогулки и отдыха выбирался Красный мыс, то благоразумнее было убраться восвояси вовремя: шум и гам, развлекавшие при дневном свете, нагоняли страх в ночные часы.

Между двумя мысами, поросшими высокими соснами, разместился, поднимаясь от моря широким полукругом вверх, Гелиополь. Город раскинулся вокруг Старой гавани, служившей

внутренним портом, от которого лучами расходились кверху улицы. Город ослепительно сверкал над голубым морем в полуденном зное, яркое солнце гасило все краски, пока вечернее не оживляло опять тот красноватый камень, из которого был построен Старый город. Новый город воздвигли после последнего из Великих пожаров уже из белого мрамора. Вся территория долго лежала в руинах, пока, с одной стороны, технический прогресс не обезопасил город от повторных разрушительных действий, а с другой – применение тяжелой военной техники не стало монополией Регента. Вот тогда и осуществили планы знаменитых градостроителей. Природный обогрев, аэроионизаторы, бестеневое освещение улиц и другие роскошные новшества, ставшие частью коллективного люкса, придали жизни в этом квартале особый стиль. На беломраморных улицах, сверкавших белизной и при ярком освещении, одинаково царили и днем, и ночью уют и покой.

Только две архитектурные композиции в этом квартале пережили шквальный огонь: одна из них – группа небоскребов из зеленой стеклостали, не пострадавших от огня, лишь верхние этажи вздулись пузырями, опаленные сверхъестественным жаром. Небоскребы стояли со своими искусственно возникшими барочными куполами как памятник той страшной ночи. Вторая – Центральное ведомство в верхней восточной части холма, к которому оно прилепилось своими пятью лучами, словно морская звезда. Оно было построено из огнеупорного стеклобетона и вжималось всей своей плоской конструкцией в скалу, чтобы избежать сокрушительных ударов ураганного ветра. Подобно айсбергу, оно показывало городу только самую малую свою часть. Словно шлем, накрывало оно подземные этажи. Здание распласталось на земле во всем своем уродстве, свойственном свирепым временам, когда разнузданные враждебные силы, беспрепятственно учинявшие разгромы, породили эти панцирные формы в архитектуре, возникшие из противоборства страха и насилия. Стены эти будили и среди белого дня воспоминания о полных страха ночах, когда воздух сотрясали чудовищные взрывы. Дух ужаса навсегда поселился в этом ведомстве; на его шпиле развевался красный флаг с вышитым на нем фаустпатроном.

На западном склоне холма поднимался, возвышаясь над Старым городом, Дворец Проконсула. Частично стены его примыкали к старинному акрополю, ядром которого была мощная Главная башня древнего Гелиополя. Античные и средневековые флигели были соединены новым фронтоном и надстроены. Вместо узких бойниц и готических арок виднелись широкие окна, лоджии и балконы, украшенные цветами. Застройка смотрелась как единый комплекс и имела внушительный вид, хотя каждая из эпох оставила на нем свой след, словно на платье сюзерена, становившемся от столетия к столетию все наряднее и удобнее. Орел со змеей в когтях был водружен на Главной башне акрополя и обозревал с нее в полуденные часы далекие морские просторы.

Ориентиром для кораблей, возвращавшихся с островов, служил, однако, крест Морского собора в честь Девы Марии. Он сиял ночью в бестеневом освещении. Собор возвышался в самом центре города; он стал жертвой Великого огневого удара и был отстроен вновь в неоклассическом стиле. Считалось, что на его месте стоял когда-то храм Афродиты; поваленные колонны послужили собору фундаментом. Вершина холма была очень живописной; весь склон покрывали виноградники. Таверны, могилы, заброшенные крестьянские хутора тонули в зелени, и древней земле, казалось, снился сон, что она в городе. Неф собора имел продолговатую форму, колокольня была очень высокой, однако наверху заканчивалась площадкой. Эклектика стилей четко просматривалась – частично это произошло из-за включения в сооружение древнего античного храма, а частично из-за того, что он воздвигался как кафедральный собор. Духовная разнонаправленность, проистекавшая из истории города, справедливо нашла в нем свое отражение. Собор укреплял надежду, сильно возросшую после великого разрушения, причиненного огнем, – как чудо богословского учения, он победоносно выстоял, противопоставив свою духовную мощь дьявольским силам уничтожения. Хенгстман, мастер,

построивший собор, высек над главным входом изображение птицы Феникс, которая своими крыльями как бы обнимала главный портал. Ведь черные силы могли возродиться вновь, поднимается же каждую ночь из болота туман. Однако волшебная птица, сквозь объятия которой шли верующие к алтарю, должна была как бы свидетельствовать о том, что нет на земле ни одного сооружения, в краеугольный камень которого уже не была бы заложена сама идея возможного разрушения. И еще в большей степени символизировала она собой ту мысль, что, как разрушенные камни возрождаются из руин, так и дух воскрешается заново и даже восстает из пепла.

Гелиополь – древний город с замками и дворцами, базарами и густонаселенными жилыми кварталами – открылся взору во всем своем великолепии в ярких лучах солнца. Словно магнит, притягивал он к себе корабль. Уже слышен был гомон и шум, как из морской раковины, в которой запеклась морская пена. Со времен героев-прародителей селились здесь по берегам залива люди; первые суда бороздили именно его воды. По ту сторону залива, в пещерах Пагоса, можно было видеть наскальные изображения древнейшей охоты в те времена; при раскопках в земле находили древних идолов. Династии как богов, так и князей сменяли друг друга. Фундаменты построек более поздних времен покоились на культурном слое былых цивилизаций, следы великих пожаров и войн оставили в нем свой ленточный след цвета ржавчины и крови. Несметные поколения жили здесь, любили, надеялись и бесследно ушли, приняв смерть. И если так воспринимать этот город, с позиций его истории, то конкретная действительность как таковая как бы растворялась в ней и была сравнима разве с цветком на древнем дереве, который скоро сорвет и унесет ветер. Первые строители провели когда-то вокруг него борозду, определив границы города. Но он не переставал расти с тех пор, хотя время от времени по судьбоносным для него дням коса проходила по нему, оставляя после себя кровавый след. Однако земля его уподоблялась ниве, постоянно давая все новые всходы.

И если дать мысленный простор полету времени, то возникновение и становление Гелиополя и дальнейший его уход в вечность сравнимы разве с мощным источником, бьющим из земли фонтаном, чьи брызги в падении уносит ветер. И как встает у воды сверкающая радуга, так и город раскинулся дугой подле брызжущих каскадов, засверкав чище и ярче, чем алмаз. Так глаз улавливает порой свет веков, исходящий от колонн и арок над ними, неподвластный тлену времени. Города стоят, как стены Илиона в гекзаметрах Гомера. Именно это и захватывает так мощно наш дух при виде их и побуждает к действиям, равно как красота пробуждает в нас любовь.

Беспорядки в городе

На мачте лоцманской службы подняли флажок, разрешающий вход в гавань. «Голубой авизо» тихо вошел во внутреннюю акваторию. С двух сторон входа в гавань повернулись к нему огромные круглые зеркала и загорелись дрожащим красноватым светом. Винты работали против течения и баламутили воду, поднимая со дна желтый ил. Корабль осторожно приближался к центральной портовой площади, запруженной народом, где стояли в ожидании машины. Жужжали камеры, корреспонденты пытались получить первые интервью. Пассажиры толпились у поручней, разговаривали кто еще по фонофору, а кто уже кричал через борт в толпу. На набережной махали маленькими флажками, поднимали детей и букеты цветов.

Подали трап. Взгляд упал на Корсо, главный проспект, который вел от портовой площади наверх, к самым ступеням кафедрального собора. По обе стороны от зеленой полосы посередине двигались в четыре потока машины, каждая в своем ряду. Два красных обелиска указывали на его протяженность, а высокие фонтаны делили на части и освежали раскаленный полуденный воздух. Над Старым городом, в квартале парсов, стоял дым пожарища.

Костар поднялся с багажом на палубу и разговаривал с Марио, ждавшим их в машине. У Луция до условленного с Терезой часа еще была уйма времени. У него даже мелькнуло в голове, что он мог бы отправиться во Дворец пешком через квартал парсов, и, как часто уже бывало в его жизни, он взял и последовал первому порыву души. Очень кстати оказалось, что он еще не написал донесения, и потому у него не было при себе секретных документов. А чтобы не казаться самому себе праздношатающимся, он решил зайти переговорить с Антонио Пери, парсом-переплетчиком, которому доверил перед отъездом одну рукопись. Он поручил своему сопровождающему отдать чемодан донне Эмилии и отправился в путь вместе с Костаром и Марио. Луций был без оружия, у Марио имелась автоматическая винтовка, а Костар надел на правое запястье стальную плетку.

Сначала они пересекли улицу Регента, похожую скорее на длинный парк. Она была обсажена редкими, большей частью очень старыми деревьями, свободно расположенными по обеим сторонам. Дома, стоявшие на ней, не пострадали во время Большого огня; здесь жили самые родовитые семьи. Сзади к особнякам примыкали конюшни, каретники, хозяйственные постройки. Потом шел узкий судоходный канал, заполнявшийся водой из внутренней акватории порта. Здесь испокон веков занимались торговлей, однако со строительством Большого порта склады опустели, и лебедки на остроконечных крышах не поднимали больше тюков с грузами. Здесь угнездились теперь тихие ремесла и поселились люди, род занятий которых было трудно определить.

Еще пустынное выглядели переулки в квартале парсов; здесь тишина настораживала. Кое-где еще стояли старинные дома с резными башенками на крышах; переход в другой квартал был замечен только по вывескам перед лавками, написанными на чужом языке, да по воротам с нарисованными на них символами счастья – огнем, зайцем, собакой или бычьим рогом.

Когда после изгнания англосаксов Среднему Востоку угрожало нашествие безбожников, то наряду с другими народами бежали от них и парсы, рассеявшись по всему свету. Одна их ветвь в тысячу душ добралась до Гелиополя и осела в Старом городе, полностью тогда опустевшем. Они размножились и частично смешались с местным населением. Однако остались верны своей религии, строгость которой, правда, с течением времени во многом смягчилась. Четкие предписания и жесткие принципы морали, регламентировавшие жизнь, как и многие старые культовые обычаи, почти стерлись. Из них всех парсы строго придерживались только обряда погребения.

Вскоре город расценил их прибытие как весьма выгодное для себя; влияние их тоже скоро оказалось значительно заметнее, чем можно было ожидать при их малочисленности. Они выде-

лялись своим искусством в ремеслах, особенно тонких, – таких как выделка шелка, кожи, обработка драгоценных камней и благородных металлов; став денежными менялами, они добились влияния и на крупные торговые дома. С давних пор они занимались науками и демонстрировали большие успехи в них, особенно в филологии. Происхождение от древнейших племен наложило отпечаток и на их внешний облик. Красота женщин расцвела в Гелиополе еще больше; они были словно редкостные цветы, чья природа в тепличных условиях становится тоньше и краше. У представительниц высших каст появился даже налет изысканности и духовности.

Так в Старом городе сложилась цивилизованная раса, которая, правда, несколько изнежилась и размягчилась. Это была теневая сторона их добродетели, заключавшейся в тонкости познания и умения, которые развивались как в чувственном, так и духовном направлении. Особый осязательный дар пальцев позволял им заниматься таким трудом, результаты которого красили жизнь, – было ли то изготовление предметов роскоши или вдохновенное служение музам. Особенности их таланта объяснялись их отношением к страху, обостряющему людские чувства, а страх они испытывали веками. Еще там, где они жили прежде, ислам безжалостно преследовал их как магов и почитателей огня. И в Гелиополе парсов тоже окружали ненависть и зависть. Чернь всегда проявляет склонность верить во все дурное – что бы ни выдумывали про них недоброжелатели, все оборачивалось против них.

После того как Регент проявил заботу о евреях и выделил им, согласно решениям Сидона, а также планам «Штиглиц» и «Карфаген», землю, парсы унаследовали от них бремя преследований и гонений. Им была предопределена такая судьба по причине их богатства и инородности. И кроме того, они были малочисленны, и нелепые слухи прилипали к ним навечно. Именно поэтому народец этот пришелся весьма кстати Ландфогту и мессире Гранде, когда тем требовалось учинить путч и пустить потом в ход насилие. В Центральном ведомстве любили заимствованные из мира техники сравнения и обыкновенно говорили о «переключении напряжения с помощью парсов» или о том, что они «отлично выполняют роль запала».

Поэтому беспорядки в квартале парсов обычно предшествовали осуществлению далекоидущих планов, создавая прецедент для непосредственного применения силы. Они будили в демосе дремавший инстинкт, направляли стихийные разрушительные действия в нужное для Ландфогта русло, сотрясая древние устои и основы законодательства. Даже тот, кто не принимал участия в карательных операциях, все равно стремился держаться от преследуемых подальше – настолько умело сеяли повсюду страх и ужас, как бы наглядно демонстрируя, что можно сделать с человеком. Волнения и беспорядки в квартале парсов были к тому же весьма выгодны для казны и пополняли ее. Доход приносила не столько та добыча, которую можно было унести в руках, сколько шантаж, следовавший за погромом. Милостью властей дозволялось откупиться. Тем самым парсы для Ландфогта были таким же денежным мешком, как раньше евреи для наместника. Он выжимал их, как губку. Однако главным оставалось то, ради чего они и были нужны ему, – стать средством для изменения политического климата. Так было и сегодня, когда астурийский вопрос волновал умы людей и был вынесен на всенародный референдум. Перед таким важным моментом не мешало освежить в памяти, как выглядит красный цвет, и наверняка труп на Кастельмарино был частью этой кровавой программы.

Погромщики, видимо, уже ушли, потому что шуму не было. Потом на красных лакированных колесах промчалась пожарная команда, с лестницами и цистернами, с пронзительными свистками и звонками, выросшая словно из-под земли и тут же затерявшаяся в хаосе кривых переулков. Это был признак того, что из Центрального ведомства поступило разрешение начать тушить пожары. Охота закончилась.

Они пересекли площадь Древа жизни Хом и завернули в одну из улочек, где жили мелкие ремесленники и торговцы. Здесь только что свирепо бесчинствовала чернь или, выражаясь иначе, «народ дал выход своему справедливому недовольству, пресечь которое немедленно

оказалось невозможным», как стояло в официальных сообщениях Ландфогта. Брусчатка была усыпана черепками и осколками, хрустевшими под ногами. Витрины магазинов были разбиты, а наверху развевались занавески, так как ставни с окон были сорваны.

Улицы были завалены разодранным тряпьем и побитой домашней утварью. Среди мертвой тишины слышались женские всхлипывания. Они медленно продвигались по петлявшему переулку, карабкавшемуся в гору, под ноги им то и дело попадались разные предметы. В одном месте Марио поднял серебряную ложку из кучи хлама, чтобы получше рассмотреть чернение.

– Марио, бросьте немедленно! – крикнул ему Луций.

В тот же момент раздались крики о помощи, шедшие из дома, где дверь наполовину была сорвана с петель. Они увидели, как оттуда выскочила девушка, судя по одежде, служанка. Ее платье было разорвано от ворота, выглядывало голое плечо. За ней гнался поджарый тип. Он был из той когорты, кого можно увидеть только в такие дни, и, скорее всего, замешкался тут, тогда как основная группа погромщиков уже отправилась восвояси.

Он преследовал ее, словно дичь на охоте. Через несколько прыжков он бы уже схватил девушку, как сокол голубку, и тут Луций окликнул ее. Оторопев, она замерла на месте, все еще ослепленная ярким солнечным светом после полумрака внутри дома, потом бросилась к нему и ухватила за его руку. Парень подлетел, нагнав жертву, и рванул ее за одежду.

– Бей! – крикнул Луций.

Костар взмахнул рукой для удара, он мог бы оказаться смертельным, но парень в последний момент отвернул голову. И тогда стальная плетка только порвала ему в ключья рубашку да оставила кровавый рубец на груди. Он пошатнулся и отскочил. Потом устался на своих противников с опаской и недоверием. Он, видимо, редко показывался на люди и не привык к свету, лицо его было желтым, как пергамент, и словно измятым. Только раздувались ноздри, а рот и глаза скорее напоминали прорези в маске. Он переводил бегающий взгляд с одного на другого, глядя на них как из-за решетки, потом взгляд его упал на винтовку, которую Марио направил на него. Его охватил внезапный ужас – он вытянул, защищаясь, руки. В следующее мгновение его и след простыл, он шмыгнул в сторону, как крыса, метнувшаяся вслед за стаей. Марио повесил винтовку опять на плечо.

– Этот наверняка от мессира Гранде, вылез откуда-то с самого низу. Я все ждал, когда он полезет рукой в карман.

– Честную пулю жалко на таких вонючих кротов, – пробормотал Костар, – мой автограф продержится на нем не одну неделю.

– И почерк у тебя, Костар, не дурен, – похвалил его Луций. Потом он повернулся к девушке, которая все еще так и стояла, вцепившись в него. Челка из темных волос спадала ей на лоб, словно у молоденькой кобылки. Ужас еще не исчез с ее лица, и толчками, грозя разорвать лиф, вздымалась грудь, просвечивавшая сквозь разорванное платье. Словно почувствовав кожей на себе взгляд, она прикрыла наготу рукой. Она служит здесь у одной пожилой супружеской пары, врача и его жены, спрятавшихся в подвале, и пошла наверх, чтобы посмотреть плиту.

«Тут этот тип и ворвался. Я хочу немедленно выбраться отсюда, не хочу больше иметь ничего общего с парсами».

Мужчины успокаивали ее. Луций гладил по голове. В Верхнем городе у нее тетка, она найдет у нее защиту. Она бы хотела только еще собрать свой узелок, но не решалась войти в дом одна, и Марио пошел вместе с ней.

– Всегда одно и то же: от пострадавших бегут, как от чумы, – пробормотал Луций.

Через некоторое время оба они вернулись. Марио нес в чемоданчике, сплетенном из ивовых прутьев, ее пожитки. Она не забыла и коробку со шляпкой и бережно держала ее, обхватив левой рукой. По воскресеньям таких девушек из простых семей можно было видеть прогуливавшимися по Корсо или по аллее Белого мыса; их там невозможно было узнать, они

превращались в прекрасных бабочек, выпорхнувших из куколки. Они следовали моде, пусть скромно, но с большим вкусом.

Теперь они вчетвером поднимались на гору и весело шутили; было очень жарко. Временами веяло прохладой, ветерком со стороны Нового города. Луций украдкой рассматривал спасенную девушку, непринужденно болтавшую без умолку. Слезы и смех еще по-детски чередовались в этой юной душе, с легкостью сменяя друг друга, как солнце и тучи в майский день. Она еще успела наскоро зашить разорванное платье, да так, что стежков почти не было видно. Луций видел сбоку темные волосы, спадавшие на лоб, прямой носик. Так когда-то резец скульптора формировал профиль Афродиты, чей храм прежде был здешним святилищем. Потом шли пухлые, слегка вздернутые губки и, наконец, нежный подбородок. Во всей фигурке было много одухотворенности – естественный природный дух сливался с силами весны и молодости. Ему уже довольно часто встречались такие девушки на побережье в заливе и на островах, где выращивали виноград. Древняя гармония края воплотилась в этих дочерях виноделов и земледельцев, рыбаков и гондольеров, испокон веков населявших острова. Все они были как само море, как жемчужины, выросшие в его раковинах, как благодатная почва, соками которой наливалась виноградная лоза. И они же потом, через несколько лет, по-крестьянски выносливые и огрубевшие, вели полностью все хозяйство; часто на верхней губе появлялся легкий пушок. Их можно было видеть в портовых кварталах официантками в тавернах, рассыпанных вдоль дороги на Красный мыс, куда они перебирались, выйдя замуж. Но все они неизменно обладали большой физической силой. Они были хорошими женами, крепкими, здоровыми матерями; они же становились зачинщицами бунтов, мятежный дух которых вынесли с островов поры вольнолюбивой своей юности. Жизненная мудрость и опыт падали, как свет, на давно уже подспудно вызревшую почву.

Они подошли к лестнице, отделявшей Верхний город от квартала парсов, вросшего со временем в эту часть города, так как с годами многие из парсов стали селиться и наверху, когда возросло их богатство и окрепло положение в обществе. Успешная карьера отражалась и на местожительстве. Прежде всего сюда переместились парсы-банкиры, ювелиры и торговцы предметами роскоши.

Там, где лестница кончалась, стояла охрана Проконсула. Здесь водрузили даже орла со змеей. Видно было, что велась стрельба – то ли бандиты рвались к богатствам Верхнего города, то ли отступали по лестнице, обращенные в бегство. Перед самой баррикадой, за которой стояли солдаты, лежали трупы, остальных раскидало по ступеням, с каменных плит стекала кровь, постепенно запекаясь темными пятнами. В воздухе еще вился пороховой дымок.

Они взойшли на баррикаду. Луций почувствовал, как девушка опять ухватила за его рукав. Из узкого прохода навстречу им вышел капрал и отрапортовал. Луций спросил, как его зовут, и похлопал его по плечу:

– Господин Проконсул будет вами доволен.

Капрал, его звали Калькар, засмеялся:

– Здесь была простая работа, она не в счет. А нам хочется показать, на что мы способны.

Луций кивнул. Солдаты уже давно соскучились по настоящему делу. По эту сторону баррикады он чувствовал себя привольнее, оружие здесь носили открыто, силой правил порядок. И не было разгула насилия, захлестнувшего все вокруг и утопившего во лжи даже старую добрую порядочность. Только вот правда и неправда слишком уж тесно переплелись, чтобы простой человек мог отделить одно от другого. Все попытки как-то восстановить старые добрые традиции проваливались. Правители сменяли один другого. И поэтому вера и доверие повернулись спиной ко всем институтам власти, из которых одни были просто смешны, а другие внушали страх. Опору все видели только в сильных мужчинах и наделяли их прекрасными качествами.

После ухода Регента Проконсул и Ландфогт стремились придерживаться политики равновесия, как это обычно бывает в подобных ситуациях. Оба они знали, что сокрушительный удар можно нанести только один раз и в случае неудачи он станет концом для одного из них. Они делали ход за ходом ради выигрыша в позиции и времени. Ландфогт укрепился на Кастельмарино, тогда Проконсул занял Виньо-дель-Мар; Ландфогт отдавал распоряжение устроить погром в квартале парсов и тут же наталкивался на огневые точки солдат Проконсула. Еще велась тактическая игра: Ландфогту, как в данном случае, хотелось привести в движение массы, в то время как Проконсулу важно было сохранить крупные банки, такие как банк Шолвина, и обеспечить покой Верхнего города. Но, абстрагируясь от конкретных шагов, символичным было одно: власти мистифицировали друг друга. Примечательным было, что распад единства совпал с небывалым усилением и расширением власти.

Так некогда сильные мира сего враждовали друг с другом на том коротком отрезке времени, который предшествовал смене эпох. Красный цвет имел двоякий смысл – символ восстаний и пожаров, он с легкостью переходил в пурпур, возвеличиваясь в нем. Но, как ни толкуй знаки и символы эпохи, испытать приходилось ту чашу, какую она подносила.

Улицы стали оживленнее. Теперь они уже могли разделиться: Марио пошел провожать Мелитту – так звали девушку – к ее родным, а Костар отправился предупредить донну Эмилию. Мелитта поблагодарила Луция. Он отшутился:

– Это для нас одно удовольствие, да и стоило того. Один из нас готов стать вашим кавалером, когда вы наденете шляпку и пойдете гулять на Белый мыс. Я уже как-то видел вас там.

– Вы, вероятно, обознались. Я лучше возьму в руки четки и помолюсь за вас.

Луций свернул на улицу Митры. Роскошные особняки чередовались здесь с лавками, торговавшими предметами роскоши, железные решетки на окнах были опять подняты. Назад во Дворец по улице шел танк. Солнце стояло в зените. Голубые и желтые паруса-тенты затеняли витрины. Перед одним цветочным магазином вместо витринного стекла был «натянута» занавес из струящейся воды, благоухавшей прохладным ароматом. Вслед за цветами шел Зербони, знаменитый пекарь-пирожник; перед его крошечной лавкой уже снова отведывали вино для возбуждения аппетита. Сам пекарь – с огромным животом и в высоком белом колпаке – стоял в дверях и приветливо кивал головой посетителям.

Следующими в ряду были торговцы жемчугом и ювелирными изделиями, потом антикварные магазины старинного серебра, ручных ковров и фарфора. На одной двери простыми буквами было написано:

«АНТОНИО ПЕРИ, сафьяновые переплеты».

Витрины не было. Отдать рукопись в переплет Пери было привилегией немногих; требовалась рекомендация. Маленькая мастерская изготавливала шедевры и делала это исключительно для узкого круга.

Луций вошел в переднюю. Он знал, где вход; древние символы парсов охраняли его. Когда открывалась дверь, раздавался звон медных трубочек. Для мастера в его мастерской это было сигналом, что в передней – кабинете с тусклым освещением – посетитель. Стулья в шелковых потрепанных чехлах стояли вокруг стола, над которым низко висела лампа. Ее мерцающий свет отражался в глубине зеленоватых, старинной изогнутой формы зеркал и в витринах шкафов, где Пери держал книги. Они стояли не как в библиотеках, корешками к смотрящему, а были обращены к нему крышкой, показывая образцы тиснения кожи, чтобы мастер мог принять заказ от клиента, взвесив и выверив все предварительно гораздо тщательнее, чем при раскрое дорогих тканей для пошива роскошных туалетов. Потому что те, как часто говорил Пери, изнаются с годами, в то время как добротный переплет не только переживет века, но станет со временем еще краше, так что художник может лишь предугадывать, как будет выглядеть его творение в период своего расцвета. И не одно только время, неустанно смягчающее рез-

кий блеск золота, приглушающее свежесть красок, разглаживающее поры кожи, способствует этому – человеческая рука, прикасающаяся к книге, также работает над совершенствованием переплета. А сыновья и внуки продолжают дело своих отцов. Книги становятся краше и от того, к кому они попадают, они несут на себе отпечаток любви их владельца. Пери утверждал, что эта безымянная история книг – самое важное в них. Поэтому он и окружил себя ими, как зеркалами, – они излучали свет, пронизывавший все помещение. Эта магическая субстанция была для него важнее отдельных элементов техники изготовления и особенностей стиля. Его ремесло требовало многого – умения обращаться с кожей, знания шрифтов, переходивших по наследству в старых печатных мастерских от отца к сыну, вкуса и чутья того нежного сплетения линий, складывающихся в узор, по которым узнаются эпохи, а также приверженности к литературе разных народов и их наукам. И наконец, был необходим еще небольшой круг знатоков, коллекционеров и сведущих людей, имевших достаточно свободного времени и унаследовавших приличное состояние, для которых общение с изысканными вещами стало их душевной потребностью, их второй натурой. Мастерские, подобные Пери, были как скрытые от глаз цветы, а их покровители – словно пчелы, собиравшие с них мед и одновременно оплодотворявшие их. К ним принадлежал Проконсул и его окружение.

Собранные книги действовали благотворно. Луций с ужасом подумал о том, что эта коллекция образцов могла стать жертвой бесчинств – тех, свидетелем которых он только что был. Грубых действий одной варварской руки было бы достаточно, чтобы уничтожить всю эту красоту, стереть ее, словно пыльцу с крыльев бабочки. Чернь делает это с наслаждением. Тут хранились пергаменты, которым столетия придали цвет меда и старинной слоновой кости. На самых изысканных из них стояли папские гербы, таким редкостным было это собрание, о котором Пери имел обыкновение говорить: даже самое знаменитое Пятикнижие, которое пророк Елисей подарил Птолемею Филадельфу в день одержанной на море победы над Антигонидами, вряд ли было прекраснее.

По этим книгам можно было наглядно изучать шкалу, по которой бледнеют с течением времени и теряют свой цвет краски – от свежести зеленого яблока до темного померкшего малахита, от ярко-красной до малиновой, от темно-вишневой до белесой, выцветше-розовой. Оттенки цветов действовали успокаивающе, умиротворяюще на человеческие чувства; сочные сильные аккорды прошлых лет звучали все мягче, постепенно затухая. Здесь были и спектры золотого лака – от бархатных тонов лакфиоли до нежных догорающих красок ночных левкоев в заброшенном саду. И на всем поблескивало неяркое золото гербов, знание которых требовало владения особой наукой. Иначе как разобрать, какая ветвь живая, а какая мертвая в этом лесу?

Волшебство очарования с полной силой завладело Луцием. Вот, значит, и в библиотеках тоже можно еще жить – не хуже, чем рыбаком на острове, погружившимся в наблюдение за всем живым. Сокровища, накопленные и оставленные после себя различными культурами, целиком могут заполнить короткую жизнь человека, давая ему занятие, приносящее удовлетворение. Мир так и пребудет бесконечным, если блюсти в себе его меру, а время неисчерпаемым, если самому держать чашу в руках.

Красная портьера отделяла мастерскую от передней. Горьковатый привкус мака, проникший сюда с колечками дыма из мастерской, казалось, передался даже книгам и тканям. Антонио Пери любил, как и многие парсы, вдыхать опиум. Те, кого угнетает жизнь, легко ищут забвения в мире грез.

Углубившись в изучение старых книг и гербов, Луций упустил момент, когда портьера приоткрылась. Он подумал, что вышел мастер – в круглой шапочке, которую надевал на голову во время работы, держа вверх ладони, блестящие от сусального золота. Но вместо него он увидел перед собой молодую женщину, застывшую на месте и разглядывавшую его. Луций тоже смотрел на нее, не двигаясь, несколько смущенный. Незнакомка была миниатюрна и изящна; темные волосы обрамляли лицо, напоминавшее камею. Ничто в ее чертах и одежде, за исклю-

чением кошты, не указывало на ее парсийское происхождение. И на лбу знака касты тоже не было. Ее можно было назвать красивой, и она, без сомнения, была привлекательна, однако ей не хватало экзотики. Но что же тогда казалось ему в ней таким странным? Обеими руками держалась она за портьеру, как ребенок за подол матери. И Луций догадался, что она испытывала страх, сковавший ее, ощущала его безмолвное присутствие. Так можно, по-видимому, слышать язык цветов, вздох барвинка, когда над ним сверкнет серп косы. Он еще никогда не видел столь сильного, столь неприкрытого страха – исходя из самой глубины этого живого существа, он словно коснулся его, заставив содрогнуться. Он оглядел сам себя, как бы проверяя, что же в нем внушает такой ужас. И увидел свой мундир и понял, в чем причина страха девушки. Он поспешил назвать свое имя и сказал:

– Мое имя де Геер. Я проходил мимо и зашел, чтобы поприветствовать мастера Пери и справиться о его здоровье.

Слова его, казалось, сразу прорвали оцепенение, пальцы разжались и выпустили красный бархат. Повисшее в воздухе напряжение исчезло, и все в помещении стало вновь как прежде. Свет от книг и зеленых зеркал опять заполнил его. Однако Луций все же услышал волнение в голосе, ответившем ему:

– Пожалуйста, садитесь. Меня зовут Будур Пери – мой дядя пошел во Дворец, за ним прислали. Но он мне вчера сказал, что футляр готов.

Она пошла в мастерскую, где хранились рукописи. На Проконсула это было похоже, что в такой день он как раз решил заняться своей библиотекой. В его окружении одни считали это его слабостью, другие – признаком превосходства, чертой аристократа-вельможи. И в том, и в другом была доля правды. Луцию нравилась эта его легкость. Власть князя проявляется не столько в конкретных действиях, сколько в его облике и стиле жизни.

Будур Пери снова вошла в комнату и передала ему футляр из красного сафьяна.

– Мой дядя надеется, что вы останетесь довольны.

Он открыл футляр, в котором лежало всего лишь несколько рукописных листков. Это были фрагменты из наследия Хайнзе: наброски к его роману из эпохи Возрождения.

– Прекрасный манускрипт. Я рад, что ему нашлось достойное обрамление.

Он провел кончиками пальцев по чуть волнистой поверхности кожи, словно стараясь разгладить ее.

– Дядя просил передать вам, что он мог бы под прессом выпрямить эти места, но он решил все оставить так, как то создала сама природа.

– И правильно сделал. Кожа не панцирь; она чувствует и дышит. Пусть будут видны ее поры.

Декор, избранный Пери, был очень скромнен – узкая золоченая рамка по краю футляра. Клеймо, поставленное мастером, как обычно, на свою работу, было размером не больше герба Луция на его перстне с печаткой – копы и девиза вокруг него: «Поражающее цель без промаха».

– Прекрасный девиз, господин де Геер, – ваше имя указывает на франкское происхождение?

– Так может показаться на первый взгляд, хотя мы саксонских кровей. «Де гер» – копье, и «де» в нашем имени не столько уже родительный, сколько именительный падеж и выражает скорее характер, чем указывает на происхождение рода.

Он показал на эмблему герба, обвитую девизом:

– То же самое произошло и с острием копья, постепенно принявшим форму лилии, которую вы видите здесь. Оно стало растительным орнаментом, украшающим визитные карточки и книжные переплеты.

– Мне кажется, вы говорите об этом с сожалением, а должны бы быть благодарны вашим франкским предкам по материнской линии. Складывается впечатление, что саксы так и остались довольно диким племенем.

– Может, это и самое лучшее в наше время. Нам следует поговорить об этом более обстоятельно, когда я опять как-нибудь зайду сюда.

– С удовольствием. Приходите, пожалуйста, к чаю. Дядя будет очень рад; он мне много рассказывал о ваших беседах с ним. Мне хотелось бы порасспросить вас и о Хайнзе – не из простого любопытства: я защищалась у Фернкорна.

Луций поднялся.

– Я его только что видел. Говорят, в ближайшие дни он будет делать доклад на тему «Рождение индивидуума».

– Это его конек. Подождите, я вам запакую. – Она покачала головой. – Нет, тот страх, который напал на меня, – мне самой за себя стыдно. Однако как вы полагаете – все уже позади?

– Можете быть в этом уверены. Зербони уже опять печет пирожки. Но если вы почувствуете опасность, позвоните мне. Вы всегда найдете во мне друга.

– Это вы говорите только так, из вежливости.

Он протянул ей руку:

– Ловите меня на слове.

Во Дворце

Когда Луций вошел во Дворец, сигналы отбоя в коридорах возвещали о конце боевой тревоги. Даже при малейших беспорядках в городе было предписано соблюдение особой осторожности; взрывчатого вещества скопилось в проходах так много, что достаточно было бы лишь одной неосмотрительной искры.

Приемная была полна посетителей. Как всегда в субботу, все торопились получить последние подписи и распоряжения, чтобы провести свободные часы второй половины дня на Корсо или Виньо-дель-Мар. В такие дни вкус к радостям жизни особо возрастал.

Тереза доложила о нем. Патрон уже ждал его. Его рабочий кабинет был прост: большой письменный стол и несколько стульев – вот и вся меблировка. Украшение на стене – портрет Проконсула, рядом карты и утыканный цветными флажками план Гелиополя. На письменном столе ничего, кроме тонюсенькой папочки с документами и телефона – и огромный букет лилий. Напротив стола – экран, по которому бежали кадры хроники текущего дня.

Патрон заведовал делами Проконсула вот уже два года. Он начинал, как и все выходцы из Бургляндии, в кавалерийском отряде горных стрелков и по-прежнему носил их форму. В узком кругу его считали одним из самых умных. Он играючи справлялся с работой, которая раздавила Нишлага, его предшественника. К тому же никто никогда не видел его суетящимся или в стрессовом состоянии. Дела никогда не диктовали ему темпа работы. Они выстраивались перед ним в шеренгу текущих вопросов, которым он или давал отлежаться, или решал их, если находил, что время для этого созрело. Он никогда не брался за них с острия, они сами поворачивались к нему тупым концом. В его кабинете темные дела всегда прояснялись, а пути решений упрощались.

За это короткое время он переформировал весь штаб по своему усмотрению. При Нишлаге исправной службой считалось полное понимание и проникновение во множество деталей. «Сила духа – в работе» – было его любимым выражением. Рапорты, обсуждения, сообщения тонули в бесконечных мелочах. Он искал решения в самом полученном материале, будто оно содержалось там и вытекало оттуда. Поэтому он придавал такое значение обстоятельному изложению дела на бумаге и предпочитал, как все, кто с трудом принимает решения, иметь перед собой письменное предписание. Свет горел у него до поздней ночи, и еще целые охапки папок он брал на ночь к себе в квартиру. Таким образом он развел за спиной Проконсула отменную бюрократическую волокиту. Правда, борьба за власть разыгрывалась вне стен хранения всех этих папок и регистрации входных и выходных данных. Это еще крупно повезло, что за время его деятельности все в общем и целом оставалось спокойным. Он ушел, потому что сердце и желудок не выдержали такой нагрузки.

Новый шеф смел всю бумажную писанину. Собранные досье, затребованные Нишлагом, были отправлены нечитанными назад к их отправителям. Вскоре он добился того, чтобы папка, которую Тереза по утрам клала ему на стол, стала тонкой и содержала квинтэссенцию происходящих в подведомственной ему сфере процессов. Только в таком виде они могли подпасть под компетенцию Патрона. И кроме того, он нацеливал своих людей на принятие собственных решений. «Я скорее прикрою ошибку, чем извиню уклонение от принятия решения». Бюрократическое ведение дела казалось ему пагубным, и он никогда не допускал ссылок на документы в тех случаях, где было возможно очное свидетельство. Как старый егерь-кавалерист он придавал большое значение верховой езде и требовал, чтобы служба ежедневно и при любой погоде начиналась с езды верхом, будь то на ипподроме, на берегу моря или на Пагосе. В первую голову он настаивал на этом при составлении учебных планов в Военной школе. «Если хочешь вести эстетический образ жизни, – имел он обыкновение говорить, – лучше всего быть поближе к произведениям искусства и красивым вещам, чтобы без помех и суеты любоваться

ими. Но если хочешь повелевать, надо начинать свой день с верховой езды, и лучше перед строем».

Он придавал большое значение искусному проникновению в тонкости секретов власти, а также хорошему нюху. Завтрак с мавританцами стоил для него порой целого рабочего дня. Он также был не против время от времени покутить с ними вместе. Он бывал в гарнизонах, ниточки от него тянулись даже в провинции, находившиеся по ту сторону Гесперид. Прирожденное чувство свободы усиливало его личностный авторитет, что делало его способным противостоять козням услужливо-покорных людей и их хозяев, даже держать в этом противостоянии инициативу в своих руках.

Луций доложил о своем прибытии. Патрон поднялся и пожал ему руку.

– Хорошо, что вы опять тут. Мы беспокоились о вас. Проконсул тоже ждет вас.

Он указал на стул и прервал непрерывное мелькание кадров на экране, где разворачивалась картина швартовки «Голубого авизо». Потом включил аэроионизатор.

– Тереза, принесите нам чай и скажите там всем, что я буду занят долго. Ничего страшного не случится, если вся эта компания появится на Виньо-дель-Мар чуть позже. Ну рассказывайте, де Геер. Как поживает Бургляндия? Стоят ли еще старые замки?

Луций сел напротив и стал рассказывать. Как и все остальные насиженные места, он знал, конечно, родовую вотчину генерала и побывал там. Старые стены все еще стояли, но все больше ветшали. Скалы были испещрены могилами, как пчелиными сотами, и того гляди могли рухнуть – мертвые разрушали их. На подворьях жизнь тоже текла по-старому, почти как прежде, поскольку только кое-что из новых идей просочилось в Бургляндию, тут же сказавшись отрицательно на патриархальности ее устоев. Правда, влияние этого нового, и особенно техники, никогда не даст там должного эффекта, однако нарушает естественный ход жизни и преемственность традиций. Это заметно по брожению в умах, особенно среди молодежи, когда беседуешь с ними у камина. В общем и целом все еще, правда, идет пока по старым, заведенным порядкам, и по ту сторону Гесперид все еще есть жизненное пространство для достойного человека существования.

Многие там даже подумывают о том, чтобы обособиться и замкнуться еще сильнее, чем до сих пор. Так, ему, Луцию, выговаривали за то, что в Гелиополе и еще кое-где хотят вмешаться в распри и снискать недобрую славу. Нужно бы полностью отказаться от этой мышинной возни. Политика опустилась сейчас до голой механики, одно манипулирование, нет ни достойных фигур, ни благородных целей, одно звериное насилие. Поэтому лучше всего уединиться в своих неприкосновенных родовых замках, обрабатывать землю, охотиться, ловить рыбу, посвящать себя прекрасным искусствам и культу поклонения могилам предков, как здесь было принято испокон веков. Все остальное – пена времени, кратер, выжигающий сам себя, а что касается всех этих прочих государств, то к ним относится то, что сказал Гераклит про своих сограждан из Эфеса: они не стоят того, чтобы ломать себе голову, что будет с ними дальше. Жаль расходовать на это ум и талант сынов Бургляндии!

– Мне хорошо знакомы эти разговоры, дорогой друг, они все те же, что и при царе Горохе. Надеюсь, вы высказали этим старым ворчунам свое мнение.

– Я сделал все, что мог, Патрон, чтобы обрисовать ситуацию. И твердо придерживался нашей точки зрения: хотя Бургляндия и остается для нас последним прибежищем на земле, однако у нас есть свои обязательства и тут. Мы можем выйти из игры, но именно поэтому и непозволительно думать о собственном спасении. Нас обязывает не одно только наследие предков, но и возложенная на нас миссия.

Патрон поднял руку, и Луций почувствовал, что он несколько разгорячился. Он прервал себя:

– Но позвольте спросить, что здесь произошло за это время? В Кастельмарино мы прошли мимо трупа, в Старом городе столкнулись с беспорядками.

Патрон показал на экран:

– Труп был обнаружен еще на рассвете дозорными с Виньо-дель-Мар. Они видели, как его выложили на ступеньки тюремные стражники Кастелетто. Сейчас они его опять убрали. Преследуемая цель была, по-видимому, личного характера – мессир Гранде устраивал спектакль для путешествующих с ним сограждан. А вот погромы в квартале парсов, напротив, должны, видимо, оживить ситуацию. Я ожидаю усиления и эскалации беспорядков. Агентура доносит, что в Центральном ведомстве создан отдел по вопросу о парсах под руководством некоего доктора Беккера. Сейчас в бульварной прессе можно многое прочесть о парсах, и, говорят, будут напечатаны даже разоблачительные памфлеты.

– В чем их упрекают? Что им вменяют в вину?

– Так, всякое, и кое-что еще сверх того.

– Неужели ничего нельзя сделать для этих людей?

– В лучшем случае постепенно, в рамках всеобщей безопасности. Для начала широко-масштабных контрдействий они не самый удачный объект. Мы надеемся, что Ландфогт подставится нам более уязвимым местом. Парсов здесь так же не любят, как и в странах ислама, и, кроме того, они сохранили некоторые малоприятные обычаи, я бы сказал, отталкивающего характера. А потом еще эти ломбарды, конторы мелких ростовщиков, банки, и, в конце концов, не все уж так надуманно, что болтают про их отели и термы. Чтобы не отстать от мессира Гранде, я здесь у себя тоже завел референта по всему комплексу проблем, связанных с парсами. Вы можете получить у него необходимую информацию, если вам небезразлична судьба этого народа.

Он улыбнулся и выключил аэроионизатор.

– А теперь идите отдохните с дороги. У вас сегодня еще много дел. Донна Эмилия наверняка уже все приготовила для вас.

Он проводил Луция до двери. Там он взял его за локоть и тихо сказал:

– Ваши сообщения из Астурии лежат у Проконсула на столе. Он доволен ими. И от Дона Педро тоже уже есть известия. Князь желает только еще получить общую оценку сложившейся ситуации, без особых подробностей и по возможности быстрее. У вас целая ночь впереди, я представлю вашу докладную записку утром, во время рапорта. Оставайтесь в пределах досягаемости на тот случай, если последует приказ об устном сообщении и пояснениях.

Луций поднимался широкой лестницей к казенным квартирам. Потребовалась большая реконструкция Дворца, чтобы оборудовать то великое множество жилых помещений, в которых возникла необходимость. Тут же разместились подсобные помещения и кухни. Раньше все жили в рассеянных по всему городу и его пригородам домах, отстоящих далеко друг от друга; теперешнее положение не позволяло этого больше. И Проконсул не поскупился на расходы, обустроив старые стены с максимальным комфортом, чтобы они не уступали ни кварталам Нового города, ни роскошным особнякам. Здесь даже был свой маленький театр.

Луций жил в вольере – так назывался пристроенный верхний выступ, откуда открывался широкий вид на море. Назвали его так потому, что стеклянные крыши мастерских художников придавали эркеру форму птичьей клетки. Проконсул, любивший общение с художниками, с удовольствием отдал им эту мансарду во Дворце.

Луций чувствовал себя в вольере очень вольготно. Высота, свобода обзора и несвойственная всему мрачному сооружению мажорность напоминали ему Бургляндию. Он поселился здесь с тех пор, как опять вернулся на военную службу. Это был не такой простой шаг для него после долгих лет полной независимости. Жизнь его приняла размеренный ритм, что создает для неженатого человека своего рода иллюзию домашнего быта. Он любил свои книги, свою мебель, одинокие прогулки, любил выпить по рюмочке в кругу умных людей, которые еще не разучились выражать свои чувства. Все это он нашел здесь, в вольере.

Вход в его квартиру был прорублен в старой каменной кладке в стене: сначала надо было пройти через небольшую переднюю. Из нее он сразу попадал в рабочий кабинет, слева к которому примыкали спальня и ванная комната. Все симметрично повторялось с правой стороны и было предназначено для гостей. Чердак, чуланчик и даже каморка для седельной сбруи тоже были здесь же рядом. Крытая лоджия была очень удобна на период жары. Луций не признавал природного обогрева. При северном ветре он пользовался маленьким выложенным термо-бронзой камином.

Недавно к этим помещениям добавились еще два: кухня и бронированная комната, пользование которой было предписано сотрудникам Проконсула. Она была достаточно просторной – Луций мог в ней читать и писать, как в каюте на корабле; на встроенных полках он хранил, кроме секретных бумаг, свои дневники и рукописи, которые отдавал Антонио Пери в переплет.

Кухня напоминала скорее буфетную, где можно было подогреть или остудить блюда, которые приносили ему Костар или донна Эмилия. Самым роскошным в ней была плита из термобронзы, забранная для безопасности по краям фарфором. Плита имела все степени нагрева и охлаждения, оптимальные для кулинарного искусства. Когда Луций вошел, навстречу ему прыгнул Аламут, черный кот, которого донна Эмилия отдавала Ортнеру, когда он бывал в отъезде. Луций любил его общество, настраивавшее его на философский лад, и чувствовал, как продвигается работа, когда животное поблизости. Донна Эмилия поставила на стол цветы. Она вошла с лоджии и поздоровалась с ним.

Донне Эмилиии было около пятидесяти лет. О ее родителях ничего не было известно; отец Луция нашел ее ребенком в одной деревне, которую вырезали партизаны, и взял ее с собой в Бургляндию. Там она и выросла в их семье. Она ухаживала за Луцием, а позднее вышла замуж за человека, который занимался торговлей на островах. После его смерти она вернулась к ним и стала вести домашнее хозяйство у Луция. Костар, его личный адъютант, был родом из Бургляндии, с одного небольшого подворья. Донна Эмилия и Костар приехали с Луцием из страны замков, тогда как Марио был приставлен к нему здесь в качестве его шофера.

Оба они жили с Луцием в одном флигеле, и их фонофоры были подключены к его; Марио носил при себе селектор связи. Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Хальдер, юный художник, сосед Луция. Он входил в число тех, кому Проконсул предоставил жилье в вольере; из его ателье можно было наслаждаться самым красивым видом приморского города. Но он не оставил и своего старого рабочего места, маленького домика в садовом парке, в «хозяйстве Вольтерса». Он подошел к Луцию и пожал ему руку.

– Я слышал от донны Эмилиии, что вы опять тут, и не хочу вам мешать, у вас наверняка дел по горло. Так удачно все сложилось, ведь завтра вечером я праздную свой день рождения и хотел бы просить вас быть тоже. Придут Ортнер и Сернер.

– Я буду, если только получится. Вы же знаете, Хальдер, сколько радости доставляет мне ваше общество.

Вошел Костар и начал распаковывать чемоданы. Марио доложил, что Мелитта нашла своих и просила еще раз поблагодарить Луция. Тут же появились курьеры с приказами, потом принесли букет цветов, пришла почта, скопившаяся в его отсутствие. Путешествие на Геспериды закончилось, и снова надо было начинать жизнь во Дворце.

* * *

Он поел, просмотрел почту, сменил военный мундир на халат. Начало смеркаться; на лоджиях заиграли яркими красками красные и желтые цветы. Ласточки, празднично проведшие дневные часы, возвращались к своим гнездам в расщелинах скал и стен башен, а на смену им вылетали большие летучие мыши. В гавани, в городе и на море вспыхнули огни.

Донна Эмилия стояла перед термобронзовой плитой и заваривала чай, дожидаясь, пока он настоится до темно-вишневого цвета. Луций попросил приготовить ему чай для ночного бдения. День был долог и богат впечатлениями. Донна Эмилия поставила на стол все для чая и пожелала ему спокойной ночи.

Луций мог открывать бронированную комнату, только когда оставался один. Он произносил пароль, тогда замок становился видимым, затем второй, и дверь со свистом распахивалась. Он вставил ключ с обратной стороны и включил лампочку и вентилятор. Взяв чай, он заперся в обществе Аламута для работы.

Он достал из секретной кассеты стопку бумаги рыжеватого цвета, на каждом листе которой светящимися буквами была сделана предупреждающая надпись: «Внимание! Самовозгорание! Избегать попадания солнечных лучей!» Речь шла об одном изобретении, сделанном в стенах Дворца. Главная цель его носила воспитательный характер: оно должно было способствовать тому, чтобы все секретные документы писались и прочитывались в бронированных комнатах. В случае кражи или потери документа написанное самоуничтожалось еще до того, как документ мог быть прочитан. Патрон же придерживался, однако, мнения, что подлинное достоинство нововведения заключалось в том, что оно вызвало массовое сожжение старых бумаг и папок. Он распорядился внедрить это изобретение по настоянию Главного пиротехника Сиверса, которого считал гением в своем деле. Но сегодня, однако, Луций нашел оправданным использование подобной бумаги. В левом углу он написал: «Только для Патрона и Проконсула» – и начал, пользуясь стенографией, писать донесение:

«Подробности аудиенций, данных мне Доном Педро, и бесед с его верноподданным помощником уже известны. Смотри дипдонесения I–V. Поэтому перехожу сразу к оценке ситуации.

Следует принять как достоверные сведения, что Дон Педро еще до конца этого года заменит существующее правительство своими людьми. Его государственный переворот неминуемо вызовет возникновение во всех странах народных партий. Дон Педро надеется, что Проконсул сочтет благоприятным данный момент, чтобы не только разделаться с Ландфогтом, но и утихомирить поддерживающий его демос. Чтобы получить такую помощь, он готов пойти на материальные и кадровые жертвы, которые наверняка даже перекроют те предложения, что подробно изложены в «Астурии III».

Оставалось выяснить, идентичны ли позиции Проконсула и Дона Педро и существует ли тем самым основание для их совместных действий. Дон Педро и его сатрап убеждены в том. Однако следовало бы возразить, что враги наших врагов – вовсе не обязательно наши друзья. Цели Проконсула значительно шире. И он подвергнет их риску, приняв участие в операциях, не учитывающих весь круг проблем. Чего как раз и следует избегать, если он стремится достичь кульминации с помощью одной из сторон, участвующих в гражданской войне, если истолковывать это слово в духе Клаузевица.

Возможным представилось только намекнуть, что Проконсул даже и в том случае не вяжется в голый государственный переворот, когда удача его не будет вызывать никаких сомнений. Ведь ни люди, ни методы, ни идеи Дона Педро не выходят за рамки диктатуры.

Это не исключает, однако, нашего интереса к их планам. Их провал скажется и на Гелиополе. По этой причине желательно было бы, чтобы они укрепились политически. Чем при этом придется пожертвовать из *potestas*,¹⁹ обернется потом как *auctoritas*.²⁰ И в этом случае можно будет рассчитывать на Проконсула.

В ответ на это помощник Дона Педро выставил в качестве довода аргумент, что противная сторона выступила с актами насилия. И скорее следует вести речь о мерах самообороны,

¹⁹ Сила, мощь, власть, государственная должность (*лат.*).

²⁰ Вес, влияние, авторитет (*лат.*).

ведь так уж повелось с давних пор, что преступления вершатся сверху, легально прикрываясь именем большинства. Порядочные политики всегда в меньшинстве, а соблюдение законов – украшение немногих.

Следует предвидеть, что попытка Дона Педро провалится. Она не что иное, как контр-удар реакции, обремененный всеми ее слабостями, и приведет в лучшем случае к искусственной стабилизации, гальванизации беспорядков, но и то лишь на короткий отрезок времени. Если Проконсул согласен с подобной оценкой ситуации, тогда он не одобрит операцию, может, даже решительно осудит ее. Следует предвидеть, что в таком случае возрастет степень угрозы с той стороны, но одновременно в этом кроется и признак силы Проконсула – сразу станет очевидным, что действия его согласуются с принципами, значительно превосходящими те, что лежат в основе действий обеих враждующих сторон. Судьба в таком случае заявит о себе более настойчиво и даже окажется жестокой необходимостью. Здесь уместно вспомнить слова Новалиса о том, что поспешность действий может обернуться своей противоположностью.

Практически речь идет о выигрыше во времени, которого мы не достигнем, если будем только тянуть время, а сможем получить его лишь в том случае, если будем углублять его, наполнять содержанием за счет укрепления позиций власти и ее нравственных предпосылок. Это относится в первую очередь к Военной школе. Дворец и в дальнейшем будет брать под защиту не только свободных и независимых духом служителей муз, но также и всех гонимых – и даже в тех случаях, когда с политической точки зрения это не будет сулить никакой выгоды и на первый взгляд будет казаться, что речь идет о противнике.

Благодаря этому власть каждый день будет прирастать силою – притом той невидимой глазу мощью, на которую опирается видимая власть. Капитал ее станет таким большим, что будет оказывать положительное воздействие сам по себе, только благодаря своему наличию».

* * *

Он написал эти страницы почти так же быстро, как если бы произносил слова вслух. Все это были хорошо знакомые ему вещи. Он ссадил Аламута, устроившегося у него на коленях, на пол и включил аэроионизатор. Потом открыл дверь бронированной комнаты и вышел на лоджию. Огней поубавилось, с моря дул теплый ночной ветер.

Затем он опять вернулся в тесное помещение. Удостоверившись, что фонофор стоит на предохранителе, вполголоса, местами спотыкаясь, прошелся по тексту. У него сложилось впечатление, что написанное, особенно в конце, носит для служебного документа слишком личный характер.

– Мне следует приберечь это для устного доклада у Князя. Патрон не любит философских рассуждений.

Он отказался также и от замечания, касавшегося Военной школы; она была словно его любимая мозоль. Вычеркивание и правка заняли больше времени, чем первоначальная запись. Потом он перепечатал текст на маленькой машинке и сжег черновик. Скатав страницы в трубочку, он вложил их в черный футляр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.